

18+

Лилия Шевченко

ИМЕНА

Часть первая

Лилия Шевченко
Имена. Часть первая

«Издательские решения»

Шевченко Л.

Имена. Часть первая / Л. Шевченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982628-2

Роман с посвящением честным людям, стоятелям за Добро и Справедливость. Не политический, не исторический, не любовный, просто «марзаматический» роман, как наша жизнь. Вне политики в политике, вне истории в истории, с любовью к злости и злостью в любви. Похождения «академика именных наук» в поисках честного заработка. Учёный на крючке у спецслужб, у жён, у домработницы, у отца с матерью. Все ждут и требуют от него новых имён, от которых зависит жизнь и процветание бывшей державы. Он бежит. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-982628-2

© Шевченко Л.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Глава первая. Начало.	7
Глава вторая. Консультации. Платные.	10
Глава третья. Домработница Эроса	15
Глава четвертая. Жена профессора. Ева Колготкина	19
Глава пятая. Доска	24
Глава шестая. Работа. Опять тяжелая работа.	30
Глава седьмая. Мадам Шкуродерова.	35
Глава восьмая. Будни и не будни	44
Глава девятая. Интервью	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Имена Часть первая

Лилия Шевченко

Художник Ксения Кобина

© Лилия Шевченко, 2020

ISBN 978-5-4498-2628-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-2629-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Этот роман посвящается всем добрым, честным и порядочным людям от Бога, живущим на Земле.

Некоторым людям лично, так же их коллегам и соратникам, единомышленникам, родственникам и друзьям, я посвящаю свой роман «Имена».

Александр Шестуну и его семье, Кантемиру Карамзину и всем его домашним, Марине Мелеховой и всем, кто рядом с ней, Габышеву Александру, Асхабу Алибекову, Ольге Ли, Светлане Герасимовой и «Народной газете», Лехе Кочегару, Ольге Чередниченко. Надеюсь на озвучку своего романа именно ею. Она, правда, еще об этом пока не знает. И многим, многим другим. Список будет пополняться.

Томящимся в застенках, силы и духа, противостоять злу, которое в любом случае и при всех условиях проиграет и будет уничтожено Добром.

Защитникам Севера и родной земли, несдающимся врагам, и держащим мирную оборону, сильным духом Человекам Шиеса! Люди Добра и Чести с вами всем сердцем, и душой.

Глава первая. Начало.

– Собачка у вас такая миленькая! Такая интересная!

– Да, я и сам...

– А зовут как?

– Меня зовут...

– Да – нет же, собачку вашу, как зовут?

– Да, очень просто зовут. Совсем по – простецки её зовут, мою собачку... А вот меня...

– Миленький собачонок, да как же тебя всё-таки зовут? Или это тайна? Но я вас так понимаю, при нынешнем цветущем воровстве собак.

– О-о-о, да просто собачку зовут. Владимир Ильич – его зовут. Кобелёк.

– Да, вы что?!

– Да-а! Мы его так назвали в честь Владимира Ильича Ленина! А его подружку – сучечку, в честь Надежды Константиновны. У нас малышка – Крупская. Я всегда боготворил и боготворю чету Лениных! Очень редкая порода!

Женщина была настолько поражена, что даже не стала уточнять, кто именно и из какой породы.

– Да-а-а, я вам скажу! У вас необычайно оригинальный подход к чествованию людей. Совсем как-то совсем, называть собак в честь людей. Хотя, если разобраться... Не людей же, в конце концов, называть в честь собак.

– По мне, как бы, не называться и именоваться, лишь бы это было оригинально, свежо и интересно! А то вокруг нас только и слышны в именах и фамилиях одни шаблоны. Сплошная рутина звуков. Всё серо и монотонно, у всех одно и то же. У людей в именах нет полёта фантазии, разгула мысли и разнузданности страстей! Простите, жить в звуках имени шаблонном совсем неинтересно и для меня не занимательно. Да-с! – с жаром, с пылом седой профессор хотел было уже закончить свой монолог.

– Но, подождите! Причём здесь имена? Совсем не понимаю вас, – его случайная собеседница явно не хотела обрывать разговор и даже резко схватила мужчину за галстук, чтобы удержать.

– Вы, мне просто обязаны сейчас же всё объяснить! Прошу же вас!

И тут же пустила в ход конём всё очарование своих маленьких, подведенных черным карандашом глазок, подкрашенных и ошипанных бровей, подслипшихся ресниц, завитого чубчика и ярко-размазанных губ.

И их сила со страшной силой подействовала на академика, уже почти, вознамерившегося бежать, но он вдруг внезапно остановился. Остановился, чтобы угодить симпатичной даме и дать ей разъяснения.

– Для примеру возьмём вас, голубушка! – произнёс он, беря её под локоток своей ледяной, костлявою рукой.

– Берите, берите, голубчик! – тут же растаяла дама.

– Вот, вы простите, какова по батюшке, позвольте вас спросить? – засопел мужчина ей прямо в ухо. И хоть он был уже немолодой, седеющий и слегка лысеющий, но вполне ещё полноценный для серьёзного разговора, кандидат в лауреаты. Мужчина был подтянут, сухощав, слегка сутуловат и чуть выше среднего роста.

Дама почти неприлично и уже прямо на глазах растаивающая от мужского внимания, слегка поплывшая на алых парусах своих многочисленных, вычитанных в романах «мечт», тут же опомнилась и недовольно вздёрнула своим химическим способом завитым хохолком:

– Что это, вообще значит, какова по батюшке?

От удивления у неё один глаз выпучился сильнее второго и необычней, чем всегда.

Профессор тут же присел, успокаивающе погладил свою собачку, затем вторую. И глядя на свою спутницу снизу вверх, как ему всегда казалось, неотразимо – мужественно, и шумно вздыхая, и томно придыхая, прошипел сквозь свои новые вставные челюсти:

– Да-да, матушка! Каковы вы по батюшке? Как зовут вашего отца? Ваше отчество? Я хочу знать это!

– Да, чтоб вас! Напугали. Отец у меня – Иван! А я Марья. Марь Иванна, значица я!

Профессор так и запрыгал на одном месте.

– Вот, вот, что я про вас и говорил, драгоценная моя! Сплошная серость, убогость мысли, шаблон имён. У всех одно и то же. Жили всю жизнь в деревне, работали, не разгибая спин с рассвета до заката, день и ночь – сутки прочь. Света белого в конце туннеля никогда не видели. Вот вам и доказательство!

Марь Иванна так и онемела. Не зная, что сказать, невнятно спросила:

– Откуда, это вы всё знаете про меня?

– Да, в имени всё есть твоём? А звали бы вас иначе и жили бы вы, милочка, гораздо, по-другому!

– Откуда же вы это всё знаете, голубчик мой?

И профессор, и академик, и лауреат – один в трёх лицах, и все и всё в одном лице, гордо выставив вперёд свою профессорскую академическую ногу, не менее гордо произнёс в свой иногда сизоватый и всегда, здоровенный нос:

– Имею честь доложить, медам, я знаю всё! Я есть академик, профессор и лауреат всех именных наук. Основатель школы правильного подбора настоящих, правильных имён. Ко мне только по записи или через собак, как с нами сегодня и случилось.

– Да, вы что?! Какие люди завелись в наших краях! Никогда бы на вас такое не подумала.

– Представьте, себе Мария, что это, так и есть. Ответьте мне милая, не замечали ли вы, что всех породистых собак и особенно людей, всегда зовут по-особенному, по-породистому?! Я, вот всегда поражался, какие всё-таки породистые имена были и есть у всех импортных королей! Так вот они, практически все, за счёт своих имён и восседают до сих пор на своих тронах! А наши Николашки – Алексашки все с трона послетали. И я вам, честно скажу, это всё из-за своих неправильно подобранных имен.

– Точно – точно, все так и говорят, как назовёшь корабль, так он и поплывёт.

– Именно, Марь Иванна, именно! А у вас, фамилия, скорее всего Петрова? Угадал?

– А вот и нет.

– Сидорова?

– Мимо.

– Попова!

– Опять мимо.

– Неужели, всё-таки Иванова?

– Нет, нет и нет.

– Заинтригован вами, мадам, до бесконечности. Ну, не томите же вы меня, признайтесь чистосердечно, какова же ваша фамилия?

– А вот и не скажу, вам пан профессор! Вы же акадэмик АкадэмИи околосвяческих наук, так догадайтесь же сами! Вы же великий учёный именных наук! – резвилась и дразнилась, как юная школьница, совсем еще юная пенсионерка.

– Учёный-то я учёный, и огромный учёный, должен вам доложить, но не ясновидящий же, должен вас предупредить, – произнёс учёный. Напустив на себя пара «академической учёной» серьёзности, вступил и принял игру наш герой и игриво предложил даме:

– Пзвольте, вашу ручку, медам! Ваш слуга сейчас....

– Эрос Скупярдомыч! Эрос Скупярдомыч! – неожиданно раздался истошный крик какой-то визгливой бабы. Он нёсся из окна с последнего этажа небольшого трёхэтажного дома, с надстроенной над ним четырёхэтажной мансарды.

– Да, что такое? Сколько вас можно поправлять? – заорал профессор ей в ответ, ни мало не уступая в силе звуков. Для лучшего звучания он сложил ладони рупором и, что есть силы, продолжал орать:

– Прошу вас произносите моё отчество правильно! Я – Ску-пи-до-мыч! Тьфу, ведьма, опять запутала меня. Я – Эрос! Эрос – я! Ку-пи-до-но-вич! Вам ясно? Ответьте, вам ясно? Я вам...

– Да, заткнитесь же, вы, наконец-то! Дадите сказать человеку, али нет? – перебила его женщина с самого верха, окончательно переорав академика.

– Всё, всё. Молчу и слушаю внимательно.

– Вас тут женщины хотят, Эрос Скупярдомыч! Они уже давно хотят и уже больше не могут.

– По каким вопросам их интерес?

– По самым, по вашим! Бегите сюда шибче.

– Передайте им, сейчас буду! Один момент!

– Позвольте с вами, уважаемая, откланяться. Совсем забыл, у меня же консультация. Платная, доложу вам, консультация! Сорок копеек минута!

Академик расшаркался перед женщиной своей костлявой ножкой, и уже было приготовился бежать, но был крепко ухвачен твёрдой марьяновской рукой.

– А как же я?! И фамилия моя?! Вы, чё? – обиженно надула тонкие, морщинистые губки Марь Иванна, продолжая крепко удерживать лауреата за лацкан пиджака, а он, как скользкий угорь, старательно выверчивался и выкручивался из её цепких лапок.

– Ах, как же вы меня сударыня заинтриговали своей фамилией, что я даже не в состоянии отбыть на платную консультацию. Но, не прощаемся, же мы с вами до конца! – прошипел старый интриган, освобождаясь от её царапок.

Он со своей стороны, также сильно вцепился в её руки, и с большим усилием оторвал их от своего пиджака, и неотрывно глядя женщине прямо в глаза, сквозь зубы сипло просипел:

– Где и когда? А главное во сколько? Быстро мне отвечайте. У меня время деньги. Минута – сорок копеек! Так! Я вас понял. Я сам сообщу вам план при следующем выгуле собак, перед вечерним собачьим туалетом. Владимир с Надей писаются в девять. Тогда и обговорим с вами все детали. Уговор? Да? Я полетел, – сказав быстро все эти слова, он быстро и резко ломанулся от растерянной Маши, как ломится на встречу со своей лосихой в вождельнии сохатый, так же на всех парах понёсся и наш профессор, уже всю предчувствуя, и ощущая зовущий запах денег.

А так же его с бешеною дурью, сорвали с места и потянули за поводки, совсем продрогшие собаки. И неслабый северный ветер, дующий попутно в спину, помчали все мужчину, как небрежно скомканную бумажку.

И он понёсся, как сухой лист, гонимый ветерком. Он мчался, высоко закидывая ноги, выше кистей сверкали его пятки. И всё это вбежало без оглядки в распахнутые настежь двери и пропало. И только долго раздавались звуки и кое-где в подъездных окнах мелькали ногирюки, хвосты и лапы.

А Марь Иванна, как всегда одна осталась. Рот у неё был открыт, в глазах читалась растерянность и обида на всё человечество.

Глава вторая. Консультации. Платные.

– Так, что? Кто, где, когда? А главное насколько и за сколько? – вбежал в комнату с распросами, запыхавшийся лауреат, бросив собачек на пороге.

– Две штуки. Все бабы. Им надоть новы имена. Сговоритесь на деньги, дак и хвамилию себе нову у вас возьмут. Но очень сложно. Очень. Еле досюдова их допёрла. И в плане оплаты, поддаются не сразу, но при умелом закручивании дела, плотют по полной деньгами. И личное вам протеже по другим дуррам – тёткам.

– Так-с, крекс – пекс, дуримекс, оч-чень всё распрекрасно! Я сей момент готов, только помою руки после прогулки.

Профессор вприпрыжку понёлся в ванную. Оттуда донеслось его радостное пение, под звуки, льющейся воды.

Этот редкий, изумительный в своём желании – мыть руки после туалета и прогулок, человек, всегда именно этим восхищал свою домоправительницу.

Она ещё в глубокой молодости перенесла через мужчин тяжелейшую психологическую травму. Будучи всегда, девушкой, чрезмерно наблюдательной, она и пронаблюдала страшные для её неокрепшего рассудка вещи. А именно, как категорически не моют руки, особи мужского пола после посещения ими туалета.

Женщины не мыли своих рук за малым исключением, а эти, мужские единичные экземпляры, мыли руки только в порядке исключения из правил. А ведь если разобраться, женщинам и не приходится, простите за сравнение, при посещении туалета, как мужчинам держаться за свои «телескопы».

– И как жить после этого?! Как здороваться с ними за руку?! Братся после них за дверные ручки?! Как?! – терзалась женщина.

Звездина, как ни старалась, никогда не могла этого понять, а тем более простить всё это мужчинам.

Звездина Ивановна, уже только за одно, это, простила Эросу Купидоновичу и всех его непутёвых жён, и всех его клиенток, этих припадошных баб, и всех его сыкливых собак и все его ей непомерные долги, накопившиеся за годы. Она кормила, поила, убирала, носила и тащила в дом всё, включая клиентов. Она, сама лично отыскивала их во всевозможных местах и заведениях.

Учитывая специфичность профессорских консультаций, это было и – эх, как не просто. Но куда ей было деваться, ведь без неё профессор никогда бы не выжил. А она никогда бы не увидела от него расплаты всё увеличивающихся ей долгов!

Эрос предстал, пред ясны очи Звездины умывшимся, причесавшимся и вполголоса напевающим свой любимый фашистский марш «Дольче зольдатен, унтер офицере».

– Фу-у-у! Вы опять взяли за старое, хвашист проклятый? Зашибу счас, сволочь немецкую! – гневно вскричала Звездина, не выдержав пыток фашизмом. Она всегда была истинным ленинцем, преданным идеям коммунизма.

– Не немецкая сволочь, а фашистская. И это абсолютно разные вещи, которые прощу не путать. А этот вальс, пардон, марш, он шикарен и я не подумаю отказываться от него.

– Счас, как дам вам тряпкой по лысине, а ну, марш вальсом на работу, – размашистыми движениями с мокрой тряпкой в руках она стала, как истинный коммунист-антифашист загонять профессора на работу в его кабинет.

А он не сильно-то и сопротивлялся, уклоняясь от взмахов мокрого полотенца, пританцовывая и напевая всё тот же марш, он ужом проскользнул в «консультационную». Через мгновение он выглянул оттуда со словами:

– И всё-таки для работы нужен марш, Звездаина!
И захлопнул дверь.

После двухчасового жаркого спора о цене вопроса в сорок копеек минута, цена была снижена до 39 копеек за минуту. Сама консультация продлилась 6 минут 27 секунд, не набрав семь минут. Эрос, как истинный джентльмен уступил дамам эти 27 секунд без оплаты в обмен на привод к нему еще двух клиенток не менее, чем на полчаса каждая консультация. На том и уговорились.

Честным, усердным трудом, заработанные академиком, два рубля тридцать четыре копейки были тут же отобраны Звездиной. В этот раз ей не пришлось, ни душить, ни выламывать профессорских рук, он все деньги сразу же отдал ей сам и добровольно. Потому что сегодня он был очень радостен и доволен жизнью.

Он был счастлив, сопутствующей, ему весь сегодняшний день, большой удаче, в виде таких «жирных» клиентов.

Он чувствовал, что и это еще не всё. Ниточка потянется, и клубочек прикатится и приведет его в денежный Клондайк, где он наконец-то забьётся в приятных конвульсиях «золотой лихорадки».

И он, вполне разбогатев, сможет наконец-то выгнать из своего дома эту наглую домработницу, которой задолжал невысказанное количество денег, и эту очередную внезапно опостылевшую жену, и наконец-то зажечь счастливой, обеспеченной жизнью с новой молодой женой и новой молодой домработницей – настоящей балериной.

– Иди, жрать, профессор. Сегодня вы заслужили, – вернул его с облаков на землю окрик нелюбезной простолюдинки.

Невыносимая пошлость эти простолюдины. До самых до краев последней стадии невыносимости.

Едва успев перекусить, он не успел испить чашечку черного, цейлонского чаю без добавок (на добавки денег катастрофически не хватало), как в дверь позвонили.

Пенсия у домработницы была маленькая, а профессор был еще в предпенсионном состоянии. Да и толком долгое время нигде официально нетрудоустроенный, он тоже не мог рассчитывать на приличную пенсию. Но он в своем предпенсионном состоянии был уже согласен на любую, даже и на неприличную пенсию, лишь бы поскорее достигнуть этого заветного, счастливого возраста.

Во время юности с большим удовольствием прибавляешь года к своим годочкам, после середины жизни отнимаешь годочки от годов, а потом, как в буйной юности, только и мечтаешь, когда бы стать уже постарше и получить!

А потом! Потом можно уже не считать года, а только деньги в кошелечке.

Я, кажется, на чём-то остановилась? Ну, так вот!

В дверь позвонили. На пороге стояла очередная жертва неправильно подобранного в детстве и не вовремя данного ей имени. Она пришла, чтобы всё в своей жизни исправить. И как почти всегда это были женщины, никому не важно, какого возраста. Хотя иногда и сквозь них проскальзывали молодые особи, пардон, особи.

А всё почему? Да, потому что женский пол, более думающий над проблемами своего бытия и ищущий всевозможные ходы и выходы, для облегчения своего жития, рыскающий в поисках ответов по страницам всевозможных глянцевого журналов, участвующий в сплетнях-разговорах, просматривающий телепередачи и сериалы.

Этот поиск выводит их на разные пути-дороги. И некоторых, по следам других, приводит к двери нашего ценителя женских душ и скромного целителя их кошелечков.

– Однако забрались! Седьмой без лифта! Где тут можно видеть, как его... Имя такое дурацкое на «э» начинается... Вот! Вспомнила! Эскулап Ондонович! Вы что ли? Мне девки сейчас ваш адресок дали, сказали, что беги к нему быстрее, он тебе за полчаса одним новым именем всю твою гадкую жисть одним махом, сразу на новую перекуёт. Сто рублей всего за час с двоих. Я пока одна. Пондравится, значица, завтра втроем прибежём. Скидка будет? Вот держи. Полтинник. Пошли. Только быстро. Я с работы смылась.

Во время тирады она успела скинуть с себя на руки профессору свой выдавший виды, как она его называла «счастливый лапсердак». Не разувая свои, как она их называла «не трущие мозоли чоботы» она молниеносно проскочила на кухню.

Успела там хлопнуть в радостном приветствии прислугу, ладонь в ладонь, как родственную размером тела, душу. Вернуться назад в прихожую, чтобы потрепать за ухо, стоящего столбом с её «лапсердаком» академика. Взять из его рук свою вещицу и подвесить на свободный крючок, и в это же, время, скинув свои «чоботы», вытряхнуть профессора из его шлепанцев и тут же нарядиться в них, и не умолкая проследовать обратно на кухню.

Выловить опять там же, на кухне, под ногами вьющихся собак, поочередно сюсюкая подкинуть их до потолка, потрепав за ушами всех, включая и подоспевшего к ним на помощь хозяина. Из недр грязного, окровавленного фартука, вытащить кусок свежего мяса и попытаться бросить собакам на пол, но на лету, перехваченном ловкою, левою рукой Звездины и раздавшимся из её утробы возгласом:

– Ещё бы не хватало...

Через мгновение тетка-ракета-космос уже восседала на профессорском столе в его кабинете и болтала толстыми ногами, при этом показывая и объясняя профессору, как правильно делать упражнения, когда болят колени.

Еще через пару минут они лежали с Эросом Купидоновичем на полу и делали дыхательные упражнения.

Академик в это время уже был счастливым обладателем правильно вправленного позвонка в его неправильно искривленном позвоночнике.

Когда в кабинет без дела с любопытством заглянула Звездина, ей в тот же момент были вправлены все шейные позвонки. После вправлений последовал приказ, всем залечь на пол и не двигаться, а по ходу лечения, не тратя лишнего времени, консультировать женщину-космос.

Звездина мгновенно захрапела. Профессор консультировал, вперившись взглядом в белый потолок. Консультируемая дама в основном возлежала, молча, но иногда повизгивала от удовольствия и щекотки, и потом заливалась визгливым смехом:

– Ой, ой, ой-ё-ёй!

По ней бегали собаки и слизывали с её лица и рук, молекулы запаха свежего мяса. Мадам работала рубщицей мяса на рынке.

Предоставленным ей новым именем она осталась, абсолютно недовольна, а услугами собак по разглаживанию морщин на лице была очень приятно удивлена и попросила сделать ей запись на собачьи процедуры через два дня. За 100 рублей. Для неотразимой красоты ей ничего не было жалко. Даже денег.

Профессор еле-еле приподнялся с пола. Звездина храпела. Собаки, наевшись молекул запаха мяса, заснули на груди консультируемой.

– Собаки, значаца, то же лечат, как кошки, – решила она, и, доплатив, за лечение еще 20 рублей осталась лежать на полу до полного окончания лечебного сеанса.

Пока прислуга храпела, Эрос решил незаметно потихонечку отползти, чтобы припрятать неучтенный барыш, но в последний момент был пойман за костлявую ногу, крепкой домработнической рукой и притащен на своё прежнее место. Подняться с пола, он смог только после того, как отдал домработнице все 20 рублей.

Провожать клиентку он не вышел, он в это время в ванной застирывал свою рубашку, недовольно бурча себе под нос:

– Сколь раз говорил, мой полы, мой полы, в доме собаки. Так, нет, же мы все умные. Все из балета. А эти все балетные громылы, только, что и могут, как отбирать деньги у людей. Дождёшься, ты когда-нибудь у меня. Ух, дождёшься.

Глава третья. Домработница Эроса

Домработница Эроса была грузной мужиковатой женщиной с залيزанными и собранными в тугий узел жиденькими волосьями. Иногда она их выпускала на волю. Слегка порезвится на ветру.

Вначале её звали совсем не Звездиной, а просто Марией.

Волосы у неё были, не разбери, поймешь, какого цвета, ранее бывшими не то рыжими, не то каштановыми. Но о балете Мария мечтала всегда. Даже и тогда, когда уже не оставалось

ни малейшей надежды на её появление, на театральном помосте в балетной пачке. Ну, хоть когда-нибудь и хоть на какой-нибудь сцене, хоть какого захудалого театра любой страны.

И тогда она стала всем говорить вслух о своей «голубой» мечте. Всем и каждому, имеющему уши, и, к сожалению, не имеющим слуха. Она услышала об этом когда-то от кого-то. И узнала она эту тайну от серьезных людей, что для исполнения своих «мечт» надо говорить о них вслух. И обязательно громким голосом. И тогда они непременно исполнятся. И ей повезло.

Приметливо – подметливый академик в какой-то солнечный день приполз домой в радостном подпитии и еле-еле объявил:

– Ну, что звезда балета, будем-с, что ли и тебе ставить сценическое имя? А там посмотрим, что будет? А что будет, то и будет, как Бог даст.

И расстелился после этих душу греющих слов беспомощным и бездыханным ковриком посреди прихожей. И жутко захрапел.

Мария тут же так и почти села, то есть слегка присела, чуть не придавив академика, но вида радости не подавала. Изо всех сил стараясь быть, как прежде непрошибаемой скалой и мумией в двух лицах.

– А ну-ка, ирод научный, скидавай свои боты. Я тебе сказала быстро скидавай, – пыхтя, боролась грузная Мария с пьяной храпящей «научной мыслью», как иногда она прозывала своего благодетеля.

Академик в ответ только похрюкивал. А Мария не унималась:

– Угадили мне опять весь коридор, гадость вы умная. Вот, чё, за ноги у тебя, Скупирдо-мыч? Прямо пендецит какой-то, а не ноги, не рассандалить никак. Вот, чё, ты их загугливаешь одну за другую? А? Чё, загугливаешь? Как я с тебя сщиблеты-то твои сымать буду, а?

Вытряхнув наконец-то храпящего академика из его полуботинок с кожаным верхом и с некожаным низом, она, не сумев поднять, вкатила его, как рукасто – ногастый – головастый шарик в супружескую опочивальню и с натужным криком: «И-и-эх! Тяжелый сундук какенный», зашвырнула этот шарик на заброшенное женой, супружеское ложе. И пригрозила:

– А имя ты мне поставишь. Тока проснись.

– Имя... имя... имя..., – метался во сне головой по цветастой подушке Эрос. Через какое-то время он сполз с неё, а потом и вовсе очутился на полу. Там под воздействием прохладного воздуха процесс вырезвления" научной мысли» пошёл активнее.

Академик стал выкрикивать своим петушиным фальцетом женские, мужские и другие имена.

Мария тут же прибежала из кухни с мокрыми от крови руками, с кухонным разделочным топориком.

Перед этим она сноровисто разделявала тушку небольшой хрюшки.

Тушка хрюшки была получена в качестве богатого наследства от тридесятого двоюродного мужа бездетной тётки, и честно поделенного на всех племянников его сестры.

Если до конца быть краткими, то на самом деле огромное наследство было огромной свиньёй. То есть свиноматкой в живом виде. Оно, это наследство, по два раза в год приносило потомство, которое потом честным образом распределялось между наследниками кому и что.

На сестру бездетной тётки двоюродного мужа была возложена почётная обязанность по поению, кормлению и выгребанию продуктов жизнедеятельности этой очень деятельной свиньи.

В уплату за свои труды праведные сестра получала все эти продукты жизнедеятельности, а в случае старости и плохого самочувствия объекта наследования, сам объект.

Для контроля над ситуацией в положенном месте всегда висел огромный тесак. Его было бы выгоднее задействовать в работу, но в таком случае, женщина оставалась бы без навоза. На такие жертвы она пока не решалась, её огород требовал: «Навозу! Навозу!»

Поэтому свинища пока была свежа и хороша и радовалась жизни, чего нельзя было сказать о счастливице, без конца одариваемой навозом. Такова есть поэзия прозы жизни в нашей жизни!

Богатая наследница Мария, бросив на кухонном столе своё, не до конца разделанное наследство, в немом ожидании буквально нависла с топором над академиком, вытянув вперёд свою шею до упора, внимательно прислушивалась, вздрагивая при каждом новом имени.

Она ждала. Ждала. Надеялась и верила. И верила, что дождётся. И дождалась. Но не сразу.

Кровь на руках пообсохла. Топор она отложила, но шею не втянула. И уши, как были наострены, так и остались наострёнными.

А Эрос то дико орал, то громко бормотал, то вдруг утихал, то вновь принимался вопеть и лишь изредка попискивать.

Вначале женщине было смешно. Потом грешно. Затем пакостно и даже противно от предложенных Эросом в его «полной несознанке» имен. Собственно он их никому и не предлагал, а просто бредил и бездумно бессвязно бормотал. А Марья Ивановна всё это усердно слушала.

– Да, да, так меня и назови. Я так на это тебе и согласилась. Да, я удавлю вас сейчас злосчастник несчастный. А потом удавлюсь сама, так что только посмейтесь надсмеять надо мной.

Она путала слова. Она негодовала. Угрожала и обзывала. Молчала. Пыхтела. Наливалась злостью, но терпеливо терпела все мучительные изыскания профессора.

И, наконец, в тяжёлых муках имя родилось. Правда, и рожалось-то оно не сразу. Имя появлялось на свет с большим трудом и в творческих метаниях и муках.

Имя. Прекрасное. Желанное. А главное, дающее Марии надежду на светлое балетное будущее на огромной сцене.

Для этих дел у неё всё давным-давно было наготовлено. И белая повязка на голову, и белая мужская майка, и белая пачка, и эти балетные тапки, в которых они все бегают. Не было только белых колгот такого размера, но, в крайнем случае, в крайнем, можно было использовать белые кальсоны академика. И еще, надо было конечно немного похудеть.

Итак, вначале было первое слово. Оно было ею не услышано. Затем выкрикнуто другое. Оно не понравилось. Затем прошепелявлено третье, но и оно было отвергнуто Марией. Затем был храп и тишина. Звонящая тишина и только редкое взволнованное сопение зорко наблюдавшей Марией за наблюдаемым, полутрезвым, полусонным профессором.

И вдруг откуда-то из откудава (есть, наверное, такое слово? а нет, так теперь будет) вырвалось почти то, что было ей нужно:

– Звездюлька...

Мария вздрогнула и замерла...

– Вообще-то вроде ничего имечко. Но, нет, как-то не для меня. Всё-штаки не мой размерчик будет! – заключила Марьяиванна, победоносно потряхнув тяжелой грудью, замурованной в лифчик десятого размера. Грудью, резко переходящей в не менее тяжелые плечи, шею и руки. Одним словом плакал балет по таким фигурам горячими слезами.

– Звезд-ди-на-а-а...

– Что? Что, родненький? Что вы сказали, дорогой?!

– Звездиночка...

Так Марию не звал никто и никогда. Да и кому бы пришла такая мысль в не пробитую, трезвую голову? Так назвать сей монумент! Настолько крепко стоящий на своих столбах, пардон, ногах, что не было никакой возможности обойти и объехать сей постамент и на нем монумент, если обрисовать его точнее, случись столкнуться с ним на узкой дорожке.

Да, никто бы даже не посмел догадаться повздорить с ним, например. Или просто глянуть на него косеньким взглядом. Ну, не было таковых! Или их потом бы сразу не стало!

– Зайчик, вы наш! Скупирдомичек, сладенький! Намаялась, тут, Звездиночка, с вами. (Мария, не раздумывая, приняла это имя и тут же облеклась в него, то есть резко нареклась им.)

– Да, как же я намаялась с вами, полудрагоцененький вы наш Эросик! Залазьте, маленький, умненький поросеночек на кроватушку! И сразу баиньки! И сразу спатеньки! Сокровище вы наше, сокровищенское! Всё, всё, все уже дома! И все баиньки по своим кроваткам. Носики, курносики сопят!

Интересно, сколько бы еще пришлось пролежать курносику на полу, если бы он не придумал, удобное для мадемуазели имя!?

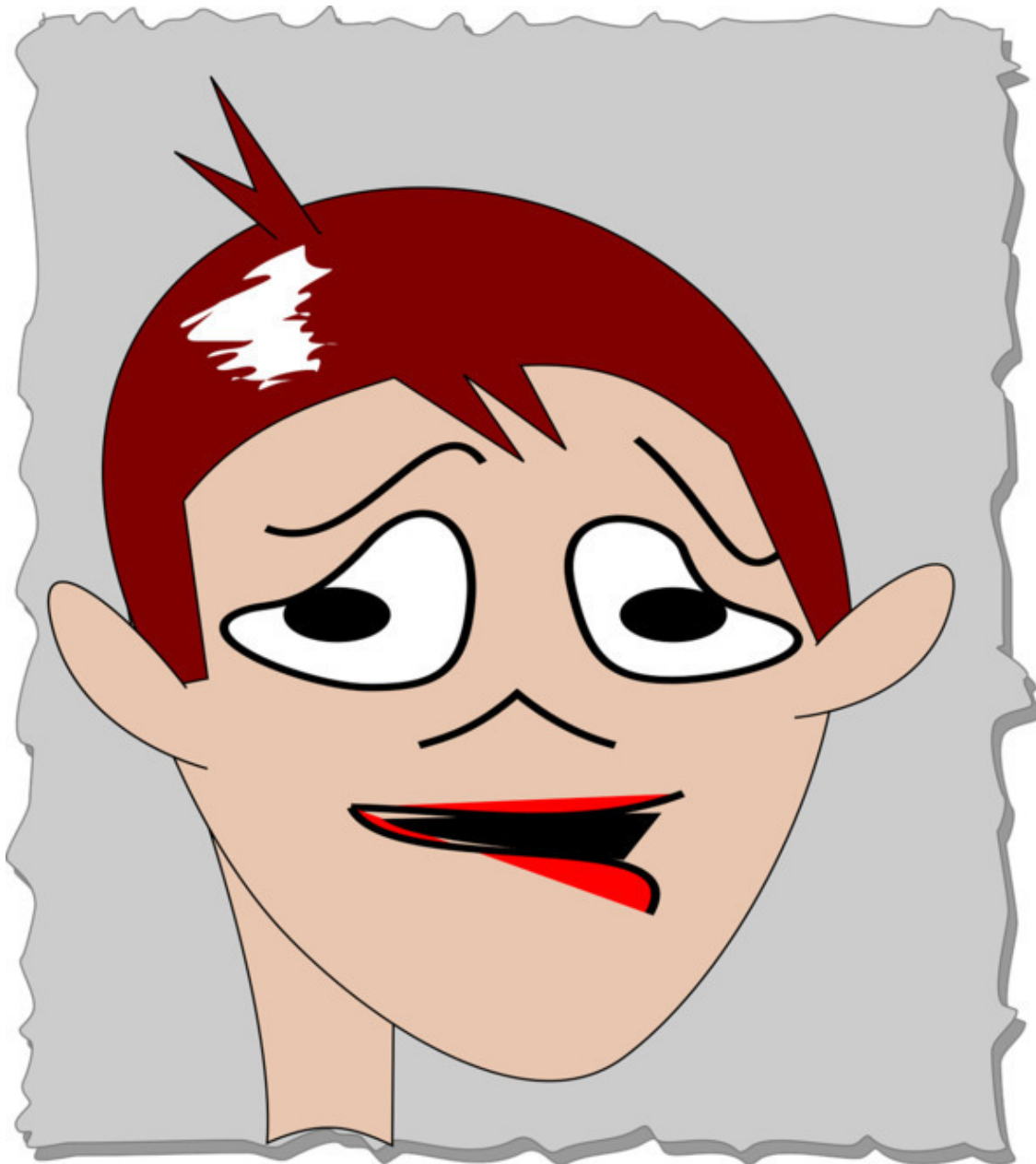
– Гений! Я всегда говорила, что Скупирдомыч – гений, хоть и дурак. Но надо же, какое имя! Он мне всё-штаки поставил великое имя! Вот и как же теперь повернется моя судьба? Неужели мне всё-штаки придётся блистать на сцене?!

Новоиспечённая Звезда, бывшая Мария, тяжелой поступью забегала по квартире, якобы нежно пританцовывая и якобы с легкостью кружась, на скулящем от невыносимой тяжести паркете, резко покачнувшись, она улетела на балкон.

Этот «яркий сценический образ» с громом и с треском расколошматил там, все наготовленные для сдачи в стеклотару по 50 копеек, пивные и водочные бутылки, и банки по 10 копеек.

Глава четвертая. Жена профессора. Ева Колготкина

Через несколько минут после погрома, в дверях квартиры, бронированных шпоном под металл, возникла из «неоткуда», перепуганная насмерть, изредка присутствующая дома, последняя супруга академика – неуловимая Ева Колготкина.

– А что у вас тут? А-а? Кто у вас тут?

Звездина незамедлительно ответила ей, как рубанула топором по свиной тушке:

– У нас тут- Гитлер капут!

– Нет, я не поняла, что у вас всё-таки тут, а?

– А у нас тута – Марфута! Вот так-то, Эвочка Безроговна.

Бывшая Мария можно сказать впервые в жизни была довольна этой самой жизнью и заулыбалась во весь свой скуластый рот.

Нет, про её рот, я думаю, было бы правильнее написать губастый рот. Так и запишем. А что у Звездины могло быть скуластым? Правильно, скулы. Так сейчас и запишем, что Звездина улыбалась во все свои скуластые скулы. Так и записали. А Ева, глядя на неё, обомлела.

– Мария! Впервые вижу. Вы и улыбка?! Вот это глобализм! Неисчерпаемо! Улыбка на лице, у вас?! Да, что такое могло произойти на этом континенте? Я вас, милочка, сейчас же допытаю. Обязательно вскройте сей секрет. Не скрывайте ничего от меня! – усердно допытывалась, пытливая жена Ева Колготкина у несостоявшейся пока и засмущавшейся, балерины.

– Да, бес с вами, Эвочка! О чем тут произносить? Отстаньте от меня, я в печали на самом деле.

Но Еве было не уgomониться, разительные перемены в толстой, всегда угрюмой домработнице были на её лице и заставляли сомневаться и подозревать. Но вопрос в чём? – не закрывался.

В тёмной голове Колготкиной вдруг сверкнула мысль. Сверкнула, как молния, озаряющая весь склон и весь небосклон:

– Неужели!? Неужели, он?

– Что, он?

– Не что, а кто... Неужели, он...

– Что, кто неужели, вы чё?

– Ну, он? Почил?! Или не почил? – не смея надеяться, наконец-то выдавила из себя, некогда – горячо, в течение, нескольких дней, любимая жена профессора.

– Да, плевать мне на ваше почил – не почил, он мне имя великое поставил. Такое имя! Такое, что боюсь даже теперь вам сказать, что со мной будет и как дальше всё покатится под фанфары.

Мадам Звездина, хотя вполне может быть даже еще и мадмуазель гордо выставила вперед свою огромную грудь, перекрыв ею все проходы и подходы к другим проходам по квартире.

Худющая женщина Ева, как дикая кошка металась, рвалась вперед, подпрыгивала выше лампочки, ни на минуту не оставляя своих безуспешных попыток, чтобы просочиться хоть в какую-нибудь щель.

Хотя для неё было желательнее и предпочтительнее, что бы это была всё-таки информационная щель, чтобы как можно быстрее выяснить, что же произошло, смертельно «позитивненького» на небосклоне её несчастливо-нелюбимой семейной «жизнёшки» и, увы, еще пока не её «квартирёшки».

Это были любимые слова Колготкинського репертуара – лексикона, а не, то, что мы там себе чего-то надумали, чтобы новое «чё» надумать. Я имела в виду, это – придумку нами новых слов.

Нет, мы совсем не такие. Мы просто часто подслушиваем, но очень редко подглядываем.

Колготкина не сдавалась и задавала всё те же вопросы:

– Мария, да плевать мне на ваше великое, дурацкое имя, ответьте мне лучше про него. Расскажите мне всю правду, он того или не того?

– Да, кого того? Или не того? Кто кого? Чё, вы мне голову задуряете? – занедовольничала новоиспеченная Звездина, явно ничего не понимающая.

Но, на всякий случай домоуправительница быстренько закрыла все двери на ключ.

Ключ спрятала в надежном месте, в свой лифчик. Закрыла она и дверь в туалет, подперев её костылем забытым, кем-то из посетителей. А кто знает, здоровая, ли она эта Колготкина? И есть ли у неё справка из ветлечебницы? А тут в доме благородные собаки! А знаете, сколь денег их лечить-то надо?

– Да, я про мужа, Маша! Он почил наконец-то или не почил, этот старый кобель? – всё ещё не теряя драгоценной надежды на драгоценный подарок от судьбы, дрожащим голосочком вопрошала, лучше к худшему, одним словом ко всему, наготовленная Ева.

– Посмейте только, ненаглядная жена, его почтить. Этого великого учёного по именам и хвамялиям. Да я сама на руках снесу его к Владимиру Иличу.

– Это к этому еще одному такому же похабнику, Кокоткину? Это еще на кой ляд вы его туда потащите? Он и без вас не вылезает из этого омута науки.

– Эй, на барже, как вы выражаетесь, мадамка? Всё-штаки некрасиво выходит, что вы здесь плетёте, а еще жена великого ученого...

– Всё, простите, меня, простите... Больше ни за что...

– К Ленину я его снесу! В мамзелей! И заставлю их всех, нашего великого Скупирдомыча, то же забазамировать, еслив чё...

– Как забазамировать?! – Ева выпучила глаза на Марию, и в очередной раз потеряла свой наичудеснейший дар своей расчудеснейшей речи и в очередной раз скатилась до уровня Звездины.

А та, вытирая слезы краешком своего фартука, натужным баритоном запричитала на всю квартиру:

– Просто взять и набазамировать, чтобы до мумии Владимира Илича! Вы, же сами, Эва, знаете, какою он его любил! Какою, же он его любил! С какой зверской силой он его любил! Ленина и его Надьку. И мать Ленинскую тоже так любил, что чуть, что и к ним с цветами на могилку. Он же всех своих собак называл в его честь. А вы же сама знаете, Колготкина, что для вашего мужа приставляют его собаки?! Вот, ежлик он Сталина не очень любил, значаща, ни одной собаки в его честь и не назвал. Пушай дажить и не просят его. Правильна, я говорю?

Уже уставшая и переставшая надеяться на чудо и светлое будущее в академической квартире, Колготкина неожиданно воспряла духом после последних слов Звездины и в безутешном горе с горячими слезами, бросилась на домработницкую грудь.

– Где, он? Где лежит, мой сокол сизокрылый? Я хочу его видеть... – рыдала безутешная Ева.

– Вот так-то лучше, а то взяли моду шарашиться, незнамо где, и даже посуду не мыть, – довольная управительница Звездина открыла Еве душу и все, запертые от неё двери.

– Где? Где он лежит?

– Да, где? Да, там, на кровати лежит, если опять не упал.

– Марьюшка, так его же надо было сразу связать, и ручки ему связать и ножки. Ведь он же всегда был такой неугомонный. Возьмите, голубушка, верёвочку покрепче и свяжите его. На кровать его затаскивать не надо, так пусть лежит.

Ева прошла на кухню и как любящая, страдающая от горя жена села плакать, и в нервном расстройстве есть макароны со сковородки, и пить чай с вареньем и бубликами.

– Идите, вы сами...

– Куда идите, Марьюшка?

– К нему идите и связывайтесь там сами, как хотите...

– Нет, знаете, Мария, это ваше дело. Я сама боюсь, я – жена, чтобы сама его связывать.

– С каких это пор, оно стало наше дело, вязать чужих мужиков?!

– Да, как, же так? Я что ли, по-вашему, должна, что ли?

– Вы жена, вы его и вяжите. А мне он кто? Он мне угадился четыре раза.

– Мария, вы, вы не последовательны в словах! Вы только, что сами говорили, что на своих руках снесёте его к Ленину...

– Так, тож когда он преставится, тогда и снесу...

– А он, что, по-вашему, разве не преставился?

– Когда?

– Что когда?

– Да, не дурите мне, Эвочка, голову! Вот, до чего же вы любите голову людям задурять. Вот сами не знаете чё ото всех хотите...

– Вот, я-то очень хорошо знаю, чего я хочу. А вы, Мария, или как вас там называют, информируете меня наконец-то о кончине моего мужа?

– Это, которого?

– Я говорю о последнем.

– Почём мне знать про всех ваших последних добровольно померших супругов? Я – Звездина! А не кака та не понять кака сплетница.

Ева начала злиться.

– Я говорю, о последнем. О последнем, – сквозь зубы прошипела Ева.

Закончив «трапездничить» (еще одно из слов Колготкинского лексикона), она поднялась со своего места и двинулась в прихожую, чтобы найти там крепкую веревку.

Звездина – Мария двинулась за ней, чтобы охранять хозяйское имущество. Мария – Звездина так ничего и не желала понимать. Но сильно желала немного поиздеваться над безутешной Колготкиной.

– Ой, ли, люли! Люли-люли, нате вам ваши пилюли. Да, кто про вас знат, кто у вас тут будет последний? При вашей – то ужасной разборчивости, – зудела, не унимаясь домработница.

Колготкина постаралась взять себя в руки и продолжить одновременно и поиски веревок и выяснение всех обстоятельств.

– Хватит юродствовать, дорогая. Конечно, же, я говорю про моего любимого Эроса.

– Да, говорите вы про него скока хотите, а вот кто мне посуду мыть будет? С вашими разговорами бы только бездельничать...

Звездина гордо развернулась и не менее гордо снесла свое грузное тело на кухню, мыть посуду.

Якобы вдова академика осталась в прихожей одна. Нервничая, она трясущимися руками, начала быстро шарить по полочкам и ящичкам в поисках прочных веревок для связывания своего любимого. Она добралась до самого нижнего ящичка, и, согнувшись в три, нет, в четыре погребели, усердно рылась там, как вдруг над её ухом возник «огнедышащий тройным перегаром» безвинно усопший – живой и невредимый Эрос и чмокнул её в ушко побагровевшими губищами.

– Эвочка! Ты?!

Эвочка так и упала навзничь на пол, слетев со своих, согнутых в коленках, затёкших от неудобной позы, кривеньких и худеньких ножек, а в руках она крепко держала два мотка веревок.

– Это вы? – только и смогла прошептать, уже чуть было не новоиспеченная молодая вдова.

И закрыла глаза. Больше ей мечтать было не зачем...

Эрос, как закоренелый интеллигент, тут же на крыльях любви бросился на помощь даме. Не просчитав верно траекторию полёта, он упал и улегся рядом с любимой, на том же приоткрытом коврикe.

Его распухшие от усердных винных возлияний, уже не губы, а губищи продолжали свое дело, и нащупав ими в очередной раз следующее ухо своей жены, он, сладострастно причмокивая, вождельно сопел и шептал, упавшей в обморок Колготкиной:

– Эвочка! Я это! Я! А кто же боле? Родная моя, как я соскучился! Проследуем же, солнце моё, радость моя, в покровых темноты на наше супружеское ложе. И займёмся там утехами любви.

Во время его заключительных фраз, Колготкина уже стояла в проёме бронированных шпоном дверях, хотя академик всё еще лежал, с закрытыми глазами на полу и соблазнял молодую женщину. Глядя, на соблазнителя сверху вниз, она ему в ответ не только ухмылялась.

– Ага, утexas любви! Если бы вы ими также занимались, как красочно говорите. А то кроме разговоров об утexas, до самих утexas дело никогда не доходит.

– Эвочка, вы неправы. В абсолюте, вы неправы. Во всех энциклопедиях мира, вы найдете сообщения о том, что женщины любят ушами...

– Ага, а мужчины желудком с глазами, – перебила его Колготкина.

– Ну, Эвочка! Радость моя! – канючил лежащий на полу профессор, не находя в себе сил, чтобы подняться. А руку помощи ему не протягивал никто.

– Ладно. Вставайте уже, идите, ждите меня в опочивальне, я приду. Когда –нибудь.

Расстроенная Ева открыла входную дверь и ушла туда, откуда пришла.

Воодушевленный её словами, профессор кое-как переполз в спальню и прождал там супругу до глубокой ночи.

Не потеряв надежды, полюбить в этот день хоть что-нибудь, хотя бы желудком, научный деятель пришлёпал на кухню, где громко и звонко гремела кастрюльками, страшно счастливая балерина. На её голове уже красовалась белая повязка.

Вот тут-то и отвел душу, изголодавшийся профессор, под самую завязку насладившись утехами «желудочной любви».

Он так обожрался, что до самого утра из опочивальни раздавались его громкие стенания, шумные охи-вздохи, вскрикивания и всхлипывания.

Уже под утро, вконец измученный обжорством академик, вывел черным фломастером на стене, прямо, по поверхности обоев, воззвание к себе.

«Эрос! Не отягощайтесь, раб Божий, объединением и пьянством! И всё у вас будет...

Он хотел дописать ещё одно слово" в порядке!», но не сумел. Обессиленный, он сполз по стеночке, и, свернувшись в клубочек, прямо на полу сладостно уснул сном праведного в своих глазах праведника.

Все его соседи и соседки по дому, живущие снизу, сверху и по бокам не смогли от зависти заснуть ни на секунду. Они тихо, без единого слова, лежали по своим кроваткам. Кто-то делал вид, что спал, и лежал с крепко зажмуренными глазками, а кто-то и не думал притворяться и лежал с вытаращенными. И все молча, при этом рассуждали об одном и том же.

– До чего силён, поганец! А ведь сразу на эту вошку и не подумаешь, на что она способна! Червь червём, а погляди ты, чего вытворяет. Надо присмотреться, что он там жрёт. А может, что пьёт, а? Проконсультироваться у него надо что ли, может действительно чего и от имени зависит, а?

Никому до самого утра не было ни сна, ни покоя.

Да, наш человек умеет и любит ненавидеть другого человека, и завидовать умеет еще хлеще, чем ненавидеть. А орать друг на друга-то как все громко умеют! Благо в стране на всех телевизионных каналах позаботились об этом! Обо всех позаботились! По всей стране!

Вдруг кто в обед истошные вопли пропустил, так вечером свою изрядную порцию децибел получит. На этом не экономят. Как нашему человеку без злости и криков то быть?

Совсем никак, судя по телеку! И называется такой ор – беседой, дебатами, разговорами. Так, наверное, и мечтают, чтобы вся страна всей страной орала во всё своё орало, не затыкаясь, как все они орут в своем телевизоре.

И в интернете тоже, желающие надорвать свои кишки от крика, обзывательств и оскорблений, а не от работы, от телека ни сколько, не отстают.

Я представляю, как истошно они орут, когда всякое дерьмо пишут!? Так, в письменном виде орут на все просторы интернета, оглохнуть можно!

А может эта одна психбольница, и все они там под одним номером живут-ббб, а? И телек, и этот интернет!? Куда им до любви со своей вселенской ненавистью?!

А Звездина пела и ликовала. Она любила. Себя и своё громкое, гордое имя.

Глава пятая. Доска

– Скупирдомыч, я чё вам сказать-то хочу...

– Чё? Тьфу, ведьма, заразила и меня своим чё, – возмутился академик, но тут, же поправился.

– Что, изволите, сказать мне дорогая?

– Ни чё не хочу вам сказать, но я вчерась Надьку сикаться во двор выводила, а Владимир Ильич ваш дома сидел, потому как он, не дожидаясь часов, наделал делов опять на мытом полу, гад хвостатый. Так я Надьку одну повела, а этого сыкуна...

– Ну, сколько раз я просил вас, наделал кто делов, не наделал, всё равно гуляют все. Порядок есть порядок.

– Вот и гуляйте вы сами со своим порядком по холодку, пьяный барин с крепостными и борзыми. Мы тоже пить и книжки перечитывать умеем...

– Время! Звездина, дорогая, время! Что вы мне хотели доложить? – опять перебил её любитель изящной словесности.

– Да, ни чё. Опять вас на нашем подъезде каката бабьёса каравулит. И всё спрашивает и спрашивает, где вы где? И когда и когда? Чё ей в ответ-то рассказать, есть вы, али вас нет?

– Доложите подробно все детали разговора.

– Да, каки там детали? Докладаю без деталей, всё как было.

– Я её поначалу к нам затаскувала, думала, что она на платную консультацию метит, что она по этим делам, но стесняется. Она в отказ. Потом кричит, что у вас с ней договор был, что в девять встреча, когда собаки гадить схотят и она вас на подъезде встренит. Ну, думаю, опять наш похабник жениться схотел...

– Фу-у-у! Вы опять за старое?

– За новое! Пардон, мусё. Исправлюсь.

– Это лучше. Я ведь совсем запамятовал – это же Мария Ивановна. Я ей просто обещал фамилию её угадать. Извинитесь за меня перед дамочкой, объясните ей ситуацию полной загрузкой работой. Но, я, как только, так сразу.

Но судьба больше никогда не свела Марию Ивановну с Эросом, сколько бы она его не подкарауливала. И судьба, и Марь Иванна. Пока я не хочу их встречи. Хотя в нашем романе могут произойти любые изменения сюжета в судьбе наших героев. Сохраним интригу.

Немногими неделями раньше эта же судьба свела её с её незабываемым недавним прошлым. Сводится с которым, Марье Ивановне не очень-то и хотелось. Она наивно предположила, что с выходом на пенсию, все остальные её выходы в свет благополучно завершились. Но не тут-то было. Она оказалась востребованной, как никогда раньше.

– Позвольте, представится, Степнов-Бескрайний.

– Очень приятно. Доска.

– Понимаю.

– Что?

– Всё! – доверительно произнёс, внимательно оглядываясь по сторонам её собеседник.

И шепотом на ушко:

– Второе имя. Тайный знак.

И только что познакомившийся с ней незнакомец, перешел на еле слышный шепот. Женщина была глуховата, но признать это никак не могла. Марь Иванна в недоумении пожала плечами.

– Да, вовсе нет. Ни то и не другое.

– ПсевдОним?

– Нет!

Игра в престарелых перезрелых разведчиков не просто продолжалась, она набирала интригующую силу.

– Кличка?

– Еще бы не хватало, – фыркнула мадам.

– Ох-хо-хо? Обзывательство?! – разохался мужчина.

– Боже, упаси! Вы, что?

– Почему?

– Да, потому что, мне нет, и никогда не было никакого смысла скрывать своё истинное лицо и своё настоящее ФИО. Я живу честно! Да! И как видите, прекрасно выживаю, – с гордостью раскрыла все свои секреты Доска Мария.

Впервые в жизни действующий разведчик всех разведок мира «обалдел» от такого неожиданного сообщения, услышанного им. Неизвестное ему доселе чувство «обалдения» слегка затормозило его дальнейшие действия.

– Да-а-а.... А-а-а???? Э-э-э, я-я-я.... Да!

Он наконец-то взял себя в руки, победил растерянность и с удивлением выпучил глаза на честную внештатную разведчицу внештатной разведки. Не веря своим глазам, он с огромным интересом разглядывал это чудо. То ли он им не верил, потому что его глаза впервые увидели честно – живущего в их мошеннических кругах, человека. Да, даже просто приблизительно честного человека-землянина, а не инопланетянина.

Чего греха таить, в последнее время Бескрайнему пришлось немало поработать и на космических просторах. Знаете, ли, люди, что сейчас нелюди такие напитки выпускают, пойло, а не напитки, и они, эти напитки прямо выбрасывают людей в открытый космос.

А, там?! А, там, такие экземпляры водятся, что мама, не горюй! И я, может быть, вернусь к тебе твой блудный сын. Итак, про что это мы, а?

Вспомнила, я сейчас же всё и про всё вспомнила. Продолжаем.

Наш непревзойденный Степнов – Бескрайний умудрялся каким-то сверхъестественным образом и без серьезных последствий вертаться на землю и из открытого космоса, и из закрытого, в который он неоднократно с большим шумом улетал.

И в этом ему помогала ни одна счастливая звезда, а превеликое множество. А в некоторых странах, у него в помощниках пребывали целые плеяды звезд и звездочек, потому что удачливый разведчик любил жениться много и часто, никогда себе ни отказывая в штампе в новом паспорте.

Женитьба по любви, наипервейшее средство, для надежной конспирации и сбора сведений. А он жутко любил всех, всегда и везде. Полностью оправдывая пословицу – утверждение о том, что любой мужчинка до самой своей смерти женишок. А женщины всегда это чувствуют. В итоге ни одного провала, ни в одной стране мира.

Степнов-Бескрайний взял руку Марии в свои руки и с тревогой, заглядывая в её честные глаза, твёрдо сказал:

– Я не могу поверить.

– Во что? В мою честность?! Но это чистейшая, правда. Просто оглядитесь вокруг.

Тайный агент всех разведок мира огляделся и засомневался еще больше.

Во-первых, он не мог поверить, что обладательница такой пышной в разные стороны фигуры может быть носительницей такой в высшей степени интересной фамилии, как Доска.

Опытного разведчика сразу насторожило такое полное несоответствие её фамилии и размеров тела, но чего в прочем не бывает.

Но как, как, прожить в наше время честно, оставаясь при этом бесплатным внештатным разведчиком? Это было делом невыполнимым в любой ипостаси в любой стране мира!

Да, на одних только взносах на содержание платных штатных разведчиков с легкостью можно было сразу же разориться.

Но за великую честь приобщения к разведывательному делу всем внештатникам хотелось платить, а иначе быть тебе вычеркнутым из всех списков.

– Да, как же вы жили всё это время, милая?

– Чудовищно хорошо.

– А где?

– В самом Санкт-Петербурге! – с гордостью отвечала преданная разведке патриотка.

– Прямо в самом?

– Да! В шести километрах от границы.

– С Финляндией?

– Да, нет же. Я совсем немножко недалеко от города жила. Если приглядеться на карте, то всего шесть или восемь километров от города, почти в лесу. А в лесу, вы знаете всегда можно прожить и заработать.

– Чем?

– Всем.

– Да-а?

– Да!

Сколько лет о её деятельности, да и о ней самой (кроме взносов, конечно), не было ни слуху, ни духу. Да, что там скрывать, у неё давно закончился и дух, и закончились все духи. Её любимые Шанели под номером пять. В последнее время, открываемые и используемые только в великие праздники, в дни получения надбавок к пенсии. Купить новые духи было совсем не по пенсионерскому карману. Не было духов и соответственно не было и духа. Куда настоящей женщине без настоящих духов?!

Хорошо, что хоть родное государство оценило её заслуги перед Родиной, то есть оно оценило её пенсионный возраст, начислило и выдавало ежемесячно, пусть небольшую, но пенсию.

А если бы не так, жить было бы абсолютно не на что, ведь всё осталось в бурном прошлом.

Старая проститутка, пардон, внештатная разведчица, совсем не имела накоплений. Да и сфера её пошлой, пардон, прошлой деятельности не располагала к этому.

Детей у неё не было. В начале жизни ей, как стрекозе из басни Крылова, было слишком разгульно весело, к закату стало совсем бесприсветно и безлюдно.

Перед самой пенсией пришлось обосноваться почти в лесу. Но воздух свежий, грибы и ягоды, заготовка дров, и ключевая вода за 1200 метров от дома, превратили жизнь в рай и смыли все гнилые воспоминания.

И тут вдруг вспомнили и про неё. Товарищи, в лице Бескрайнего, нашли её, пришли к ней и напомнили. Она очень обрадовалась своей востребованности и нужности.

Товарищи, то есть Патрикей Степнов и Бескрайний, один в трёх лицах, совсем немного поговорили с ней, и оказалось, что она еще кому-то что-то должна и неплохо бы было всё вернуть, отработав.

А, что?! Она была не против сослужить службу на благо, правда ей неизвестно чего, кого, зачем и кому?!

Но долг платежом красен и она всегда это знала, тем более разведка и вербовка – это дело для неё было более, чем привычное. Это была почти вся её сущность. Поэтому вперёд! И Мария Ивановна Доска кинулась в омут разведки с головой. Теперь уже только с головой, а не с тем, с чем кидалась раньше совсем без головы. Но те безголовые времена уже канули в лету.

Ознакомившись, издали с объектом вербовки, затем внимательно разглядывая на фото его удлинённый, почти лысый череп, она хорошо понимала, что ей легко не будет. И духов любимых уже нет, и модные очки валяются с отломанною дужкой, и времена уже не те.

Но фраза, сказанная ей, что этот человек нужен живым, добавила ей оптимизма и решительности в её раздумьях.

– Раз нужен, значит, будет, – сказала сама себе старая разведчица и приступила к разработке плана.

В плане под первыми номерами шли – платье, туфли и духи (с большим вопросом), обаяние, очарование, завлечение в сети. Список с вопросами что, где, когда и как ей надобно подкрасить, завить, подмазать, подкрутить, выщипать и нарастить, окрасить, выдернуть, замазать, вместил в себя 300 наиважнейших пунктов и 200 подпунктов.

Вначале ей показалось, что получилось слишком много, но в процессе доработки, учли все недоработки и твердою рукою в список внеслись еще 42 пункта, 94 подпункта и масса примечаний. На этом довольная Доска решила остановиться и тот час же приступить к претворению планов в жизнь.

Всё было в течение двух дней тщательнейшим образом переписано в толстенную тетрадку под названием «Мои стратегические планы по претворению моих планов в жизнь».

И Маша тут же рьяно ринулась приводить всё написанное в жизнь. Приводила час, другой, но потом утомилась и, испив чашечку, другую горяченького чаю, всхрапнула с устатку часок, другой, третий, а там и до утра.

Встав поутру, сразу заветной тетради не обнаружила, пока, то да сё, ан нет её уже нигде.

Первые три дня она её еще усердно искала, но потом, как всегда помог внезапно начинающийся, как бы невзначай, и как бы из-за угла спасительный склероз, а может быть и маразм, кто их теперь разберет, лишь бы не этот фашист Альцгеймер, а эти два супротив его дети малые. Им можно, по сравнению с этим безжалостным чудовищем, только радоваться.

Так вот склероз спас от дальнейших поисков тетради, и она про неё забыла уже на четвертый день розыска и теперь руководствовалась планом из трёх пунктов, написанных на помятом оборванном листке, приколотом булавкой к стене. Где третий пункт «Духи» стоял под большим и жирным вопросом.

В помощники был приглашен бывший возлюбленный Марии и сосед по совместительству – Иван Мефодьевич Дырка.

Доска была давно знакома с Дыркой. Когда-то она его сильно любила, но замуж он не позвал из-за её подлого, проститутского прошлого.

Но жить вместе с ней он вполне мог, и её прошлое ему ничуть не мешало, особенно, когда она прилично зарабатывала, и он мог себе позволить никогда не работать и часто болеть алкоголизмом на полную катушку.

Но рано или поздно востребованность услуг Марии прекратилась, деньги иссякли, и парочке пришлось ввиду таких серьезных внезапно возникших обстоятельств, расстаться и разъехаться в разные углы своей комнаты в общежитии.

Никто из них уже не мог вспомнить, кто из них двоих получил эту комнату в пятнадцать метров в двухэтажном деревянном общежитии коридорного типа с водой в колонке на улице и туалетом на той же улице, но с печкой в комнате.

А, что? Затопил печечку, когда есть дрова и тёпленько. И приготовить тут же можно. И воды нагреть, чтобы постирать вещички и в этой же воде помыться. Или наоборот.

Иван Мефодьевич всегда слыл страшно интеллигентным совестливым человеком, он никогда ни за кем не подглядывал, он всю свою жизнь только подслушивал, а потом докладывал, куда следует. Там они с Машей и познакомились.

Именно его непревзойденная совесть и не позволила ему жениться, на павшей, на самое панельное дно, проститутке. Но жить всю жизнь на её содержании он вполне мог. Просто жить на падшие деньги и быть падшим, он считал это двумя большими разницами.

Итак, они вдвоем двумя руками взялись за порученное Марии дело. Точнее будет сказать, тремя руками. Правая рука у Ивана Мефодьевича была временно нетрудоспособна.

Глава шестая. Работа. Опять тяжелая работа.

Однажды к Эросу пришла за советом на консультацию одна молодая женщина и спрашивает:

– Что нам делать с нашим мальчиком? Какое имя ему выбрать? У моего мужа, папы сына, такое имя, такое имя... Нашего папу его родители таким именем называли, таким именем, что даже стыдно произносить.

– Милочка, а вы, не стесняйтесь. Как врачу, всё что есть, как на духу! Как врачу, мне можно говорить обо всем. Так как зовут вашего папу?

Женщина, стыдливо опустив глаза, произнесла:

– Телефон.

Эрос недоумевающе спросил:

– Что значит «телефон»? Я, кажется, спросил, как его зовут?

– Вот я и говорю, что его зовут Телефон. Его родители, то есть родители моего мужа, назвали своего ребенка, то есть моего мужа в честь покупки ими первого телефонного аппарата. Эрос Скупердоныч, вы сможете нам чем-нибудь помочь? Я в таком отчаянии!

Эрос минуту стоял, открывши рот, не зная, что ей ответить. Но быстро пришедши в себя, предложил даме:

– Не отчаивайтесь, не надо! Присядьте, милая! Так ничего же страшного, дорогая! Ничего страшного! Изумительно прекрасное имя и прекрасно звучит. Я тут подумал и знаете, что? А вы возьмите-ка и своего сына так же назовите Телефоном. А, что, в конце концов, Телефон Телефонович – это же прекрасно! Прямо, как Полиграф Полиграфович. Да даже, в конце концов, если у Вас еще и дочка вдруг будет, то и ее можно будет назвать Телефонной. А, что? Телефона Телефоновна – это же прекрасно! И главное, как прогрессивно звучит! И прямо в одну ногу с нашим временем! Идиотским надо было бы сказать временем, но куда из него деваться?! Таким образом, милая, с этим выбранным вами именем, вы смело продолжите славную семейную традицию и сохраните такое чудное имя. А имя, имя оно живет, когда оно звучит! Дорогая, вы же наша хранительница редчайших имён! Честь и слава вам в веках! Уважаю!

После произнесенной с большим воодушевлением речи, Эрос, смахнув сбившийся на глаза, чубчик, схватил даму за маленькую ручку и с благоговением приблизил к своим губам, для поцелуя.

Молодая женщина незамедлительно вырвала свою руку из профессорских «клещней», но пламенная речь академика произвела на её мозг потрясающее действие.

Посетительница, радостно и согласно закивав, насыпала в руку академику полную пригоршню мелочи с предложением пересчитать её. Дружески и с благодарностью, чмокнув профессора в щеку, она побежала к выходу.

Академик был очень доволен и счастлив. И угодил, и заработал, сильно не напрягаясь. Вот всегда бы так! Но не тут-то было.

В это время в коридор из открытых настежь дверей вваливался еще один посетитель. Им была женщина наигромadнейших размеров. Огромный букет алых роз был вплетен в её белокурый парик и прекрасно отвлекал взгляд от её толстомордой, толстомясой и красномордой физиономии.

Дама, оглядываясь по сторонам, на несколько мгновений приостановила движение своего бронетела и поинтересовалась:

– Ты, академик?

– Я.

– Куда?

– Сюда.

Вокруг её необъятной фигуры на полу валялись лепестки несчастных алых роз. Она так и промаршировала по ним, навстречу к академику, своей безжалостной к растерзанным лепесточкам, тяжёлой поступью гренадёра. И категорически не выговаривая букву «р» в словах, обратилась к консультанту:

– Так, голубчик, коготко и ясно изъясняю обстановку на фгонте.

– Прстите, на где?

– На там! Не сметь меня пегебивать! – рявкнула на него дама бархатным баритоном и продолжила:

– На нашем семейном фгонте обстановка такова. Нами гОжден гебёнок. Сын. Требуется имя. Да такое! Такое! Чтобы совсем! Вот чтобы совсем! Смогёте, академик, пгедоставить нам такое имя, а?

Кому и зачем, и самое главное, как это, чтобы совсем, академик пока решил у неё не спрашивать. Галантным движением руки он пригласил даму к себе на кухню в кабинет.

В комнаты пройти было нельзя. В одной – основательно поднагадили вовремя «невыгулянные», Владимир Ильич с Надеждой. Растаскали и размазали всю эту беду по полу.

А в спальне спала пьяная академическая жена – Ева Колготкина, молодая особа, когда-то страстно, сразу же при первом знакомстве любимая молодящимся академиком. А теперь люто ненавидимая Эросом за...? За что он и сам пока не знал. Лютая ненависть нахлынула на него так же скоростижно, как и накрыла с головой его поздняя лютая любовь.

Одним словом в жилище светилы везде и повсюду был ремонт, поэтому кухня временно играла роль кабинета. А я, сказать по секрету, до сих пор не определила точное количество комнат, поэтому срочно затеяла ремонт. После его окончания, может быть, и определюсь окончательно с количеством комнат в профессорской квартире. Или пусть уже будет столько комнат, сколько кому захочется вообразить. Профессор Эрос или не профессор, в конце-то концов!?

– Присаживайтесь, душечка, на стульчик!

Душечка, глянула суровым, оценивающим взглядом, на предложенную ей под зад хлипкую табуретёнку. И без лишних слов, садится на неё, отказалась. Оглядев кухню, она решительно направилась к любимому профессорскому диванчику и с размахом плюхнулась на него. Эрос невольно зажмурился, ожидая краха его любимой мебелишки, но она стойко выдержала падение туши на её натруженную, старенькую спинку.

Эрос за свою жизнь пережил немало крушений надежд и мебели, но потерю любимой кушеточки-диванчика, таившей в себе столько романтических воспоминаний, он едва бы пережил. Но всё обошлось, как нельзя лучше. Дама сидела, а кушетка всё ещё стояла. Академик тоже стоял.

Он немного побаивался эту необъятную гору жира, разговаривающую низким мужским голосом и обладающую такой неприятной красной мордой, что не в сказке сказать, ни пером описать те чувства, которые своим устрашающе-угрожающим видом, эта морда вызывала. Эрос никак не решался присесть в обществе такого чудовища. У него было страшное предчувствие, что оно может его сожрать. Вот таким всехпожирающим взглядом, именно всех, владело это чудовище. Страшно было подумать о том, что оно могло ещё кого-то там родить, а ещё страшнее было представить, от кого?

– Садись уже! Чё встал? Не на пгиёме, – резко скомандовала мадам, и от неожиданности и грома её голоса, академик рухнул на близь стоящий стул, как подкошенный тростник.

– Так! Мне тут с тобой некогда газводить люли-бегюли. Имя надо для человека. Страшно великое имя, но не абы там чё! ПонЯл?

– Я понял! Я понял! Я всё понял! – затараторил лауреат, быстренько в уме перебирая подходящие имена. Упомянуть про свои расценки он в такой обстановке счел не совсем приличным и совсем небезопасным.

– Пгиступай к габоте, я уже запотеваю.

– Чудненько. Пару секунд. Ну, вот хотя бы это! Закройте глаза! Расслабьтесь. Успокойте своё дыхание! И внимательно вслушивайтесь в эти диковинные чарующие звуки!

Профессор и сам плотно закрыл глаза, и мерно раскачиваясь на стуле, стал вещать заупокойным голосом:

– Квази – пuzли – стат! Квази-пuzли-стат! Что может быть прекраснее звучания сего, в высшей степени, научного имени?! Единственного и неповторимого в своём роде. Вы только вслушайтесь в прекрасное звучание такого отчества. Ведь человеку с таким именем когда-нибудь придётся подумать и о потомстве. Квази-пuzли-стато-вич! Квази-пuzли-ста-тов-на!

На мгновение обалдевшая и на время онемевшая, мадам с открытым ртом и до невозможности вытарашенными глазами, неотрывно смотрела на раскачивающееся из стороны в сторону в такт словам, худосочное профессорское тельце. И вдруг резко пнула по ножке академического стула.

– Вы, чё тут гоните, пгитыгok несчастный? Какой ещё квази с мазей?! Умбылдоном моего сына может еще назвать?

Она со скоростью огромной, злой и жирной птицы сорвалась со своего насиженного места и подлетела к профессору с множеством вопросов:

– Это, чё называется? Это, чё за имя солидному человеку? Сыну выдающегося грабителя и я не побоюсь этого слова, всей нашей эпохи, дэбилское имя? Всей, всей нашей эпохальной эпохи! А не то, что там где-то! Да мы тебе здесь чё пгишли? Дугаками что ли пгикидываться? Да, если мы когда заплатили, то нам давай имя из гяда вон выходящее! Чтобы так вот так, а не так, чтобы вот так. Надо, чтобы пгямо на века. И чтобы как кость в гогле комом стояло! И чтобы на всю истогию грабительства нашей стганы гьемело! И чтобы у всех гадов завистливых ухи поотвалились! Вот так! ПонЯл!

Грабитель и грабительство- мадам произносила весьма правильно. Потому что это были генетически родные слова всего рода, передающиеся по крови вместе с чужой кровью.

Академик, испуганно глядя на разъярённую мадам, молниеносно осознал, что вес такого тела он просто произвольно нагнетает вес и в обществе, и положение там же в этом же обществе. И происходит этот набор веса в обществе, именно за счёт силы своей массы и сильного звука, исходящего из этих масс. Ну и по родовой линии, сугубо по наследству.

И он, академик, сразу же из последних сил постарался, как можно быстрее определиться с именем.

– Ну, вот! Вот разве что вашего драгоценного сыночка, Аменхотэпом, назвать?

– Что?! Это кем ещё?! Ты нам сюда иносганщину не суй! Мы всецело гусские люди. Патгиоты своей Годины. Мы только своё грабим и пгодаём! Нам, исконно гусское пгиподнеси. Как пгиличным людям на фагфоговом блюде! А не то зашибу сейчас тебя, паскуду! – торжественно подытожила мадам.

Профессор не на шутку испугался, растерялся и нервно заёрзал на своём стульчике, предчувствуя, что его теперешнее положение на стуле, может быстро и резко измениться в непредсказуемую сторону. Но профессорская голова, в который раз спасая тело, не подвела своего носителя и, в конце концов, выдала превосходный результат.

– Только не волнуемся. Не волнуемся, душечка, (в случае мадам относительно профессора не вдаваясь в глубины, просматривался единственный корень со словом «задушить») есть имя! Феррапонтом Первым сына называйте! – на одном дыхании выпалил профессор и замер. Секунда длилась долго и утомительно долго. Академик уже всеми частями тела ощутил угрозу жизни этому еще сравнительно нестарому и всеми силами, молодящемуся телу.

Мадам резво и резко подпрыгнула на месте. При её приземлении кушетка жалобно скрипнула и сильно застонала.

– Да, точно! Слушай, ну точно имечко, не в бговь, а пгямо в могду! Ну, ты точно не дугак, академик!

– Любой дурак в такой момент станет академиком, – пробурчал спасённый себе под нос.

Туша, немисливо изогнувшись, достигла академической спины и от переполняющего её восхищения, дружески трахнула своею кувалдообразной ручищей, академику прямо по больному позвонку.

В его глазах «погасли фонари», но покалеченный, не посмел даже пикнуть. Стонала одна кушетка от резких движений на ней, увесистой мадам.

От жуткой боли, учёный, чуть было окончательно не потерял рассудок и, опасаясь за свою дальнейшую судьбу, решил уточнить у консультируемой, что это всё значило? И возможно ли ему продолжить дальнейшее существование? На что он еще может или уже не может претендовать, плакать ему надо или разрешается смеяться?

– Драгоценнейшая, уважаемая! А вы, не могли бы мне обосновать...

– Дугимаг, что ли? Чё, тут еще обосновывать – то, Феггапонт Пегвый и никаких! Всё! Всё! В имени его! И понт! И Фегга! Я же не дуга с обгазованием, мы же тожить чё ни чё смыслим! Фегга – тож железа. Железные понты, когоче! А пегвый – это ж само собой. Мы втогых не дегжим. У нас, у Лобзиковых-Шкугодёговых всё и везде самое пегвое. Вота, мы сыночке – то своему имя оггблн. Вота, чё значица, к пгифессуге пошли. Гадалка, цегква и наука! Вота

наша фамилиягная ипоностасть. Ежлик мы вегущие люди-кгестияне, значица всё обязательно должны сполнять, чё стагие бабки в цегкви сказали. Вегить во всё такое надо! Вегить!

Букет алых, почти осыпавшихся роз, поднялся и с гордым видом, не расплатившись, стал удаляться. Богатым же все и много должны, а не просто обязаны.

Дама гордо доудалаялась почти до самой выходной двери, но была зажата в тесном проходе, вовремя опомнившимся ученым. С табуретом наперевес, забыв про адскую боль, академик бесстрашно бросился в бой с чудовищем за свой гонорар. Но мадам оказалась крепким орешком.

Пыхтенье, визг и баритон, звон медяков, стук дверью, потом усталые шлепки, старыми шлёпанцами на кухню. Эрос победил. Он получил свои монеты. А если б нет, то тогда бы он считал себя сильно и жестоко изнасилованным.

Глава седьмая. Мадам Шкуродерова.

Эрос зашел в туалет, вышел обратно, так и не вспомнив, зачем заходил. Пошел на кухню, разминая руки и скрюченную на бок шею, высыпал на стол монетки, добытые в смертельной схватке с левиафаном. Посмотрел на них свысока, потом опять зачем-то сгреб и зажал в кулаке, и остановился перед столом в глубоких раздумьях о судьбах своей Родины.

После изнурительной борьбы за свои кровные, вспотевший профессор, хотел было проследовать в ванную, чтобы смыть с себя следы отчаянной борьбы за презренный металл. Но пришла его домработница, обвешенная с ног до головы сумками. Эрос принялся помогать женщине, избавиться от груза и заодно пожалился на происшедшее с ним недоразумение:

– Марьюшка, вы бы только видели, с каким драконом мне сейчас пришлось сражаться! Чуть руку мне эта гадость не сломала, а потом чуть не задушила.

– А, Евка – то, чего? Где оно? Опять, поди, гуляет?

– Ева Аркадьевна, почивать изволили.

– Всё никак не напочивается, бездельница. А энта, чего котора дракон? Ужель новую, змею в дом притащили?

– Ни в коем разе. Сугубо, рабочий консультационный момент.

Эрос ходил вокруг домработницы, потирая ушибленные места на теле, вертя и крутя головой в разные стороны, пытаясь путем разминок, придать своему телу и своей фигуре прежнюю конфигурацию.

Удавалось плохо. Болело всё.

– Я с ней вначале насмерть бился за цену. Пришлось, конечно, немного уступить, а потом я уже сражался, как лев, бился за каждую копейку до последней копейки.

Эрос с победным видом протянул Звездине кучку мелочи в своей ладошке и с видом победителя ссыпал всё в её лапищу.

– Нет, ну сколь раз, дурню, говорила, чтобы деньги брать наперед. Но, вы, же умного из себя выкаблучаете и грамотного человека, а сам дурак дураком.

– Но, позвольте, я, же победил! Вырвал, так сказать из лап дракона свои деньги!

– А если бы она ваши лапы из вас вырвала вместе с деньгами, а? Вот, сколь было говорено слов для вашей лысой башки?!

– Кое – где...

– Что, кое – где?

– Кое – где лысой!

– Это, смотря, откеда наблюдать, а так-то уже почти везде. И не спорьте со мной тут, я лучшее вас про вас всё знаю! Вы, молнией деньги из рук должны выхватывать, ежлик заранее, не хочется вам деликатничать, чтоб вам их наперед давали.

– Да, я не то чтобы, я не всегда, просто так получается, я просто забываю.

– А, вот не надо, энтого, забывает он. При первом явлении денег из кошелька, сразу хватайте их мертвой хваткой, потом силенок не будет, их из рук выкручивать. Сфатил и стой спокойно, али меня на помощь ори во всю глотку.

– Я всё понял.

– Вы, какою модным-то стали, так кто к вам ходит?! Одна шваль и ходит. Одни дешевки ходют и ходют, прохода нет от энтих финансовых магнатов. Никада при их денег нет, а услугу подавай. Цыгане ихины папы.

– Правда ваша, на этот раз и спорить не буду.

– А чрез чё спорить-то? Вот, чрез чё все богачи, энти дешевки, при деньгах? Да, потому что они во как, деньги в своих ручищах держат, спробувай, возьми у них чё! Они тебе, ежлик руку из корня не выкрутят, то по плечо откусят! Они у людей деньги из любой глотки достанут!

По плечо руку к вам в пасть засунут, и из желудка достанут. А вы у них монету из рук вырвать схотели, да как она вас насмерть не загрызла, я просто поражаюсь?! А, это у вас, что висит на шее?

Звездина ткнула пальцем на грудь профессору.

Эрос опустил глаза и увидел, висящую на его груди маленькую дамскую сумочку.

– А-а-а! Это, когда мы боролись с ней, она меня душила какой-то цепью. А я и не заметил в борьбе, что сумка её у меня на шее болтаться осталась.

– Видать, вы точно, громкое имя им поставили, раз она вас пожалела. Видать от большой радости. Дайте, я гляну чего там? Паспорт? Нет? Удостоверение. Так и чё? На имя – Лобзиновой – Шкуродеровой. Начальник по Главной Соцзащите. Мамочка, рОдная, да как же вы в живых жить остались?! Да, вас, сам Бог спас, больше никто не совладал бы с этой гипопотамой, я это чудовище крепко знаю.

– Откуда?

– Я пособию у них двадцать два разА пыталась получить.

– И что?

– Да, куды ж нам с нашим свиным рылом, да в соцзащиту за пособией?! С чертовой дюжины раз докУменты с меня кое- как взяли. Месяц их по костям разбирали, я энто али не я? Али из-за границы кто прибыл с моими докУментами. А потом, значица и говорят, что дайте, новы, энти прочесть невозможно. Так видать шоркали их, мяли, да на зуб пробовали, что все докУменты до дырок стерлись.

– И что?

– Дак ничего, я за новыми ходить, а там мужик этой начальницы в начальниках заседает и докУменты строгаёт по триста пятьдесят рублей за штуку. Те, значица тама их трут, буквы сО свету стирают, а энто новы со стираемыми буквами выдает. А отец ихин, главный Лобзик Шкуродер, в конторе засел по выдаче стираемых номеров для машин.

– И что?

– А, ничего! Он, значица, патент у одного просчелыги прикупил, чтобы автомобильны номера выдывать. Какося получил и прикрутил, их видать былО, а как завелся и поехал, чтобы сразу начинали исчезать с глаз долой. А за углом на подворотне ихинский сват с железом стоит и ловит за деньги. Вота ихин папаша энтог рацинаваллизатор и есть. А его жена, да снохи, да зятья, да дочки и рОдные сыночки, по всем теплым местам рассажены. Башня Вавилон, однако, здоровенна уже отросла из энтих сукинов сынов и защитна Китайска стена вокруг кормушек для сватьёв, да ихиных братьёв. А мы, дураки, им всем должны и обязаны быть должными.

– Так, вы пособие получили?

– Ага, два разА дали, а потом еще три разА догнали и еще наподавали, чтобы еле ноги унесла.

– Так, дали или нет?

– С меня еще денег взяли!

– За что?

– За всё, чтобы больше не ходила.

– Я серьезно спрашиваю.

– Я честно и говорю, денег кучу взяли. За восстановление, за справки, за сериксы, за доверенность у нотариса, на автобус кучу денег ушло. А времени скольхлопала, чуть не полжизни, а нервов?!

Профессор сочувствующе вздохнул:

– Да, умеют они там работать, чтобы никому ничего не дать.

– А то! Цельно государство на энто дело настроено. Ездют по стране и свистят, какие они золоты и законны законы напишут, если их выберут. И всё для населения, и всё для народу.

И как бы этими законами жить помочь?! Только им лет шестьдесят еще надо в законодome посидеть. Как будто им до этого кто мешал?! Законопиздцы страшные!

– Вы, что медам, потащитесь супротив советской власти в нашем государстве? Да у нас самый счастливый день жизни и где вы будете лучше, Марьям Ивановна? – раздался чей-то противный и сонный голос.

Это Колготкина продравши очи, прибыла к столу посидеть за чашечкой чаю и вступила в разговор, в который вступать и выступать в нём, никто её не просил, а она сама приперлась.

Звездина, не взирая ни на кого, продолжала:

– Один, значица, ездит по белу свету свистит, как всё хорошо и распрекрасно. Всё для людей, чтобы помочь, и то дадим и это выдадим, а второй по его следам ездит и угрожает. И всем, поди, сказал на местах, что если отдадите, хоть копейку этим дуракам, получите все у меня дрына, всех уволю без пособия. А спасёте денежки и отстоите казну, как Москву под Сталинградом, всем премиальны, не утащите. Со всех брать, и ничего не давать. В натуре никому никто ничё не должОн, тока на бумажке. А бумага, она така, как и народ, все стерпит! А потом оба и переменялись местами и дальше со своей трепотнёй по белу свету. То ж не мешки ворочать.

– Машка, вот че, ты сейчас трепешь и этого младенца к дряни всякой подводишь, а? Он же, как дитя малое, всем словам верит.

– А коли, я треплю, так пойдн себе инвалидность схлопочи, если ты не здоровая!

– Да, слышали вашу пестню, что инвалидность теперь не дают, её здоровые себе покупают!

– Иди, спи! А потом схлопочи прибавку к пенсии, али детскую пособию, ежлик у тебя блатов нет.

– А, вот и схлопочу!

– Да, ты для началу сроди кого, морда ты паразитская, а потом схлопочи и чтобы посыланиями за бумажками тебя не задушили, а потом и говори.

Колготкина соскочила с места и встала, вытянув шею, прямо нос к носу к Звездине. Та, тоже немало не сомневаясь в собственной правоте, подалась вперед и руки вставила в бока.

Эрос Купидонович предпочел вдавиться в свое кресло и молчать, от греха подальше.

Ева орала громко:

– Да, чтоб государевы люди, государевы законы и указы не выполняли и не соблюдали, да за это башка с плеч, а она у них у всех на месте.

Звездина негромко отвечала:

– Так и я о том же. Раз у них у всех башка на месте, значит, выполнен государев указ, казну от разграбления на нужды народа охранять. Только им казну грабить возбраняется! Казна спасена от левых для грабежу правых!

– Идите, Звезда, лучше своим балетом занимайтесь, чем политику здесь разводите. Политику она делать взялась, говорить научилась. Умная прямо стала. В балете с вашей фигурой больше шансов засветиться, а в политике вам так засветят, что и нам, если вас слушать будем, тоже срок засветит ярче солнца.

– Вот, где ты только, Купидомович, раздобыли энту чуду заморскую? На все руки мастерица, и выпить, и покурить, и посуду не помыть, и погулять за чужой счет не дура. Вот, где энтаких в последнее время штампуют, а?

Разве мог Эрос добровольно поведать, где он раздобыл на свою голову эту молодую красавицу. Разве он мог рассказать, что просто шел по улице, встретил девушку и сразу полюбил.

Академик просто шел по улице.

– Девушка, а девушка? А как вас зовут?

– Ева!

– Ева, а давайте дружить с вами? Я профессиональный профессор!

– Давайте! А где мы с вами подружимся?

– Да прямо здесь и сейчас! А то я так одинок! Ни одной живой души, которая бы понимала меня и принимала меня, таким, какой я есть.

– Я понимаю вас! Как ваше имя, профессиональный профессор?

– Меня зовут – Эрос! Можно без отчества.

– Какое у вас благородное имя!

– Да, на своё имя я не жалею. Мне горько это произносить, но я страшно несчастлив восемнадцатым браком! Если бы вы только знали, как в данный момент я им несчастлив! Никто меня не понимает в этой жизни!

– Вот если бы я была вашей женой, я бы всегда вас понимала!

– Так выходите же за меня замуж юное создание! Я прошу вашу руку!

Юная дева протянула свою юную руку, и он вцепился в нее своими цепкими клешнями. И они тут же пошли жениться к нему домой.

Когда вечером вернулась домой с тяжелой работы его гадкая восемнадцатая жена, в квартире был сотворен страшный скандал, но делать было нечего и старой жене пришлось уйти, а новоиспеченной остаться. Жена добровольно ушла, не без криков и драки, конечно.

Она ушла, потому что в ее цепкой памяти еще хорошо держались недавние моменты ее скоропалительного по своей скорострельности, неравного брака.

Восемнадцатая жена Эроса очень хорошо понимала, что просто так, без помощи магии, нельзя было быстро прибрать к рукам такого мужчину, а она, к несчастью, так и не выкроила времени на поход к ведьме и вот теперь горько за это поплатилась.

А так всё романтично начиналось! Эта незабываемая встреча на аллеюке! Недолгий, быстрый разговор! Общие интересы! Они оба были владельцами собак! Уговор о встрече телеграммой, потому что оба были не свободны! И этот судьбоносный телеграммный текст: " Встречаемся пятого собаками вне подозрений жена уладил свободен ваш эрос».

И как можно было противостоять такому взрыву эмоций и порыву чувств, чтобы не забыть про все и не броситься в Эросовские жаркие объятия?!

Собака бывший муж у неё отобрал, как часть общенажитого имущества. Зато она потом, когда уходила, отобрала у Эроса, буквально выхватила с его головы на память винтажную, ондатровую шапку-ушанку. Хоть какое-то материальное возмещение ее душевного ущерба.

Кому бы пришло в голову такое рассказывать, вот и Эрос не смог. Он сидел тихо и был очень грустным.

– Купидоныч, слышите, чё скажу? Надоть сумку-то возвертатъ до хозяйки.

– Да, я знаю.

– Сами пойдете на энто дело али мне сбегать?

– Да, я чего-то даже и не знаю пока.

– Тянуть здесь никак нельзя, а то они на танке до нас завалятся всей махфией. Сами же понимаете, где они душу со шкурой греют. На Соцзащите! Натренировались охранять народно добро от народа! Они, к боям привыкши. Народ там на их, как бешаны собаки каждый день в бой идут, как на абразуру кидаются и бросаются. Разок бы кто энтих чертов, победил када.

Эрос сидел и, соглашаясь со словами домработницы, кивал головой, а она разошлась не на шутку, и не могла успокоиться:

– У их на каждую букву по тридцать три юриста от просильцев отбиваться. Главным специальным специалистом миллионы плотют, чтоб лишний рублик из-под рук не выскочил и не закатился в нищий карман. Потому как закатуваться денежки могут только по определению, по распределению и по высочайшей воле пославшего его. Потому как рубль должен катится в нужном для показухи направлении. Что отмеряно им для показательства давать, то скрипя зубами выдают, а остальное от всякой гольтёбы велено строго охранять. Потому как охранщикам обещано, что за преданность и службу, отдается эта вотчина на полное разграбление.

Эрос сидел и молчал. А потом тоже для приличия вставил слово:

– Социально защищенный от защищаемых строй. Но надо радоваться, что мы еще пока не зачищаемые. Хотя кто до конца это знает?!

– Я скажу вам так, с утра пораньше снесите-ка эту сумочку от греха подальше.

– А может, вы сами Звездиночка, промнётесь? А то у меня спина что-то...

Профессору, пережившему неприятную встречу, вдруг совсем расхотелось встречаться с тем же самым.

Но домработница умело выкручивалась:

– Эросик Купидомичик, я совсем забыла. Я на завтра уже имею договор, впервые буду выступать на сцене литературного кружка в доме слепых инвалидов. Директор кружка сам сказал, правда, не сразу, что он полностью на всё согласен. И им просто, до зарезу, необходимо моё у их выступление. Еще он сказал мне, он очень слезно просил, чтобы его больше не терроризовали своими платными консультациями по поводу его не такого, а просто простого имени. Знаете, он прямо плакал. Он мне говорил: «Я, честное слово, совсем не хочу его менять. Иного имени мне не нужно. Отцепитесь от меня, пожалуйста»

– Да-а-а?!

– Да! Купидоныч, надо отвалить от человека, а не то хуже будет.

– Ну, что поделаешь? Я просто хотел, как лучше.

– Но и я сказала ему, что тогда буду выступать у их и показывать им балет, и он после моего показа, может больше не беспокоиться за своё имя, и он на это был согласен.

– И что?

– Всё! Эрос Купидоныч, настал мой звездный час! А, вы, что бы больше директора не донимали своими платными консультациями. Я лучше балетом буду зарабатывать, и то больше получится. Всех прокормлю.

На следующий день, не рано утром, а ближе к обеду, академик понес сумочку по адресу, в одно учреждение, как его называет народ, главной защитой пособий от населения. Право слово, надо было бы им взять себе именно такое, более подходящее к их деятельности, название.

В просторном, с шикарным ремонтом здании, выполненном на сиротские денежки, для устрашения самих сироток, когда бы, если они вдруг вздумали, явиться в сей храм за подаванием, чтобы они, если не присели перед этим великолепием, то хотя бы побоялись попросить лишнего.

Для этого на вооружение были взяты старинные наработки из арсенала спецприемчиков воздействия на психику побирушек. И неведомо же богатым умникам, что у нищих умников имеются свои вековые наработки таких же спецприемчиков по добыче копеечки.

Эрос не без труда в лабиринтах дверей, коридоров, выходов и входов, обнаружил лабиринт, ведущий к кабинету начальника всех лабиринтных лабиринтов соцзащиты.

Умеют не наши люди следы замечать.

И еще у них есть лозунги.

Захотите потеряться, всегда рады вам помочь! Чем дольше бег и больше пота, тем меньше желания побегать и попотеть! Мы всё тщательно продумали и претворили. Бегайте, пока вас ноги носят. А мы всегда найдем для вас причину для долгой беготни. Ваше лишнее движение – это наша жизнь! Лучше проходите мимо, иначе вас сдует!

– Тук! Тук! Можно?

– Нельзя!

– Извините, но я...

– Шучу. Чё, надо? – спросила посетителя ярко-раскрашенная молодая дама, и, не удосужившись дождаться ответа, с возмущенными словами обратилась к другой дамочке, сидящей у неё на столе, спиной к посетителю:

– Я этих, гадин, всех ненавижу! Этих всех посетителей! Таскаются и таскаются сюда со своими справками за своими справками. Задушила бы всех этими справками, чтобы не таскались сюда и от работы не отвлекали!

– Как я тебя понимаю, дорогая! Точно! Нигде от них покоя нет! Даже на работе! Чё надо, а?

– Я вот, отдать! – произнес Эрос и показал удостоверение Шкуродеровой.

Двух умниц, как волной смыло и со стола и из-за стола. Через мгновение они уже наливали Эросу и чай, и кофе со сливками в один стакан и туда же бросили конфетку. Он, не раздумывая, это выпил и зажевал конфеткой, и тут же под белы руки, с двух сторон, был провождён в кабинет к их начальнику – мадам Лобзиковой-Шкуродеровой. За ним тихонечко закрылась дверь.

Знакомая Эросу мадам гордо восседала на огромном троне за старинным дубовым столом. Сбоку от неё сидел плюгавенький, мелкокостный мужичонка с козлиной бородкой, с быстрыми и черными, как угольки, глазами и внимательно слушал. Мадам о чем-то ему рассказывала и весело смеялась громовым басом. Эрос сразу в ней признал вчерашнего левиафана и свою душительницу.

Некоторые работники разных учреждений удивительным образом напоминают каких-нибудь животных.

Она его не признала, а когда увидела, в одну секунду смолкла, а потом как заорет:

– Кто это сюда пропустил?! Да, как же я этих, гадин, всех ненавижу! Лезут и лезут со всех щелей! Таскаются и таскаются сюда со своими спгавками, за своими спгавками. Задушила бы всех этими их спгавками, чтобы не таскались сюда и от габоты не отвлекали!

Эрос решил защищаться.

– Но, помилуйте, матушка, вы же в социальной сфере работаете, как же вы...

Левиафан никак не ожидал ответа, поэтому возмущению и последовавшим крикам не было предела:

– Да, как ты смеешь гот (рот) здесь свой откгивать? Ты, смотги, какая сволочь наглая выискалась! Тоже льгот надо или за субсидиями пгитащился? А кукиша с маком не хочешь, лысоноситель засушенный? Вот этого не хочешь?

Глыба, как натуральная самка бегемота, как стремительная бегемотка, резво и резко соскочила со своего насиженного трона и с кулаками двинулась на профессора.

Профессор в одно мгновение вспомнил обо всех своих грехах. Молниеносно раскаялся и мысленно попросил прощения и решил биться за свою жизнь до конца.

– Да, как же? Да, где же у меня лысина? Вы категорически не правы. У меня нет ее!

– Щас гагантию даю, будет. Не пгопадать же моему слову дагом.

– Как вы можете такое говорить, вы же социальный работник? Где ваша совесть?! – визжал бесстрашно профессор, после того как отбежал от гиппопотама, пардон, работника соцзащиты на безопасное расстояние и смог дальше сохранять свою жизнь и здоровье волос на своей голове. Быстро бегая вокруг дубового стола, на безопасном расстоянии он смог продолжить борьбу за справедливость и свободу выкрикивания лозунгов за мир во всём мире. Во время забега Эрос лишней раз удостоверился в истинности библейских слов, которые в страшные минуты всегда приходят на память.

«Можешь ли ты удою вытащить левиафана и верёвкой схватить за язык его? вде-нешь ли кольцо в ноздри его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко?»

Не успел он вспомнить это, как на ум нахлынуло следующее библейское описание того же объекта.

«Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его? Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его»

Мама, караул! Самка бегемота, не отставала. Она тоже боролась за свое право сидеть в своем кабинете в тишине и без назойливых посетителей, изгоняя их от своего кабинета, всеми доступными для этого способами и средствами, потому что только покажи, этим паразитам, слабину, сразу повадятся толпами таскаться и попрошайничать, потом не отвадишь. Ради такого святого дела, можно было и побегать на досуге, что она с успехом и делала. А её приятель, наблюдая за всем происходящим, умирал в это время от смеха.

Эрос почувствовал, что его сил надолго не хватит и решил прекратить забег, прокричав мадам через плечо:

– Вы, что меня, забыли? Я же вчера вас консультировал, вы свою сумочку у меня забыли, а я просто пришел вам её отдать.

– Давай!

И мадам вырвала сумочку из рук профессора. Остановившись и отдышавшись, произнесла басом:

– Пговаливай. И чтобы больше я тебя здесь не видела.

Эрос тут же провалил, по ее слову, быстро выбежав вон из кабинета. Он был довольный и счастливый. Жизнь не окончена, и она продолжается.

Бородконоситель живо поинтересовался у гиппопотама про него:

– Кто это был?

– Потом расскажу всё. Не до него мне сейчас. Потом.

Глава восьмая. Будни и не будни

Звездина поздно вечером вернулась домой со своего первого выступления. В квартире она застала профессора в очень веселом, можно сказать, подозрительно веселом настроении. Но он не был пьян, и именно это было самым подозрительным.

Он встретил Марию в дверях с довольной улыбкой на лице и с её старенькими, потрепанными, бывшими туфлями, нынешними тапками, в руках.

Профессор был очень любезен.

– Как ваши успехи, дорогая? А я победил и на этот раз! Я ведь сразил этого левиафана! Этого дракона во плоти мадам Шкуродеровой! Я сказал, ему, то есть ей, впрочем, какая разница, главное, что я все сказал!

Звездина похоже его совсем не слышала.

– А меня-то так встренули, вы бы тока поглядели, как меня встренули! Эх, зряшно, что вас там не было, вы бы за меня, Скупердомыч так бы возгордились, нипочём зря бы возгордились.

– Я ей в лицо, Маша, так и сказал, кто она есть. Думают, вес имеют за сто с лишним килограммов, значит им в этой жизни можно всё?! А, вот и нетушки, есть еще желающие постоять за землю русскую! Или сразу полежать во сырой земле! Ха-ха!

Расчувствовавшись не на шутку, Эрос пустил горькую слезу о себе, возможно невинно убиенном. Что скрывать, у Эроса были шансы стать таковым. Работники в таких заведениях шутить не могут. Им давно не до этого.

– Директор добро дал на следующие мои концерты. Он мне так из-под штор хлопал, так хлопал. Как скаженный руками махал, махал, чтобы я, значица, до него добёгла. Я тока подбёгла, а он мне хлоп в руки мешок с мукой и говорит:

– Беги быстро с им на кухню, я тама распорядился, чтобы тебе за выступлению пару кило сыпанули.

Пока профессор с прислугой беседовали каждый о своём, но каким-то странным образом друг с другом, из комнаты вышла недовольная, заспанная Ева. Следом выбежали собаки. Она оделась и отправилась с ними на улицу погулять. Все были злые и голодные.

Ева прошла мимо беседовавших в полном безмолвии. На неё не обратили ни малейшего внимания и беседа в монологах продолжалась.

– Она, Звездиночка, я вам честно скажу, она же ни одного слова умного в ответ мне сказать не смогла. Что думаете, она ничего не понимает? Всё хорошо понимает. Она же тоже человек в каком-то смысле этого слова. Только птица и она подневольная на государственном посту восседает в полном подчинении. Как ей руководство можно послушаться?!

Если бы Звездина в этот момент не была сильно занята разговором о самой себе, то она обрисовала бы всё профессору в ярких красках и со всеми подробностями. Кто, где и какая птица? В каком и у кого эта птица подчинении?! А пока они захлеб беседовали каждый про своё. С телевизора моду взяли!

– Я, значаща, оттёда с мукой в руках взад возвращаюсь, мне кулёк целый отвесили, а на сцене уже мужик с гитарой сидит и песню поет. А я жить до конца-то не дотанцевала и муку не знаю куда? Я, недолго думая, вместе с мукой выбегла и давай свой танец до конца

приканчивать. Прямося за спиной у гитариста стала кружиться. А что? Он пуся своё поет, а я ему, что конкурента? У меня жить танец.

– Я ей сумочку вручил, сказал, чтобы больше не теряла. И напоследок, ей свои пожелания изложил, чтобы они к людям больше чуткости проявляли. Она меня выслушала и проводила. Так что, Звездина, сходи еще прогуляйся за своими доплатами, я просто уверен, что выводы будут сделаны в положительную сторону.

– А тута, значица, опять директор мне ручищами махает, а рядом с им, значица, уже мешок с картоплей. Я подбёгла до его, а он у меня хватать пакет с мукой, а я не давать. А он чё то, что рад служить толи Мельмомени, толи чё то про пельмени, а я разобрать не могу. И на разворот опять на танец. А он как закричит:

– Маруся! Дуй скорее на кухню! Пушай тебе с этого мешка картохи отсыпят, а там дай Бог, все и закончится.

Я мешок с дури хватанула, да не подумавши на горбень его и побегла с им до кухни, а потома резко развернулася и в обратну дорогу. А ну, как не успею танец прикончить, и прямиком выбегла на сцену и как закружилася у вальсе с мешком. Вы бы, Скупирдомыч, видали, как меня людя встренули, все повставали, да как давай хлопать. А один выбег из зала и руку жать, и у сборну каку-то счас же зачисляться. Тренер большой. Я с им разговор поимела по-сурьезному, как мужик с мужиком, дажить на кулачках сошлись. Силой смерилися. Но я в поддавки. Мне победы ни к чему, мне главное, чтобы он до вас пришел консультироваться. Евонному спортсмену имя надо ново, чтобы победил над всеми. Я ему враз всё обтолковала. Он согласный.

Академик, как только услышал про консультации, тут же выпал с небес на землю. Будущий запах денег всегда его волновал.

– Какой вид спорта?

– Откель я знаю? Мне без надобности и вам знать ни к чему, лишь бы копейка была.

– Не скажите! С футболистами ни в жизнь не свяжусь. Гиблое дело!

– Да, не гибло. Ужель я таки дела не распознаю? У тренера есть парнишка. Я видала. Килограмм на сто сорок, но это на глазок. Но его до вас не поведут, но не энто главное.

– А что еще?

– Дальше рассказую. Я на кухню с мешком побёгла и давай звать Мельмомену. Все в отказ, кто такая, никому не ведомо. Я картохи нагрехала и на выход, а када шла, вашу клиентку встренула, тожить прийти до вас хочет. У их парнишка вослед за девчонкой народился, приличное имя надо. В аккурат, опосля спорта прибудет, так что будьте наготове.

– Марыюшка, я как пионер, всегда готов!

Завтра нагрянуло, как всегда быстро. Это долог день до вечера, кому делать в этот день нечего, а для наших людей какое-никакое дельце завсегда отыщется.

Эрос тоже неожиданно для себя отыскал себе нужное дельце прятать и перепрятывать, внезапно обнаруженную им в комодке, едва початую Колготкиной бутылочку спиртного. Он гонял с ней по квартире, как дурень со ступой. Все до этого казавшиеся подходящими места для прятков, вдруг потом оказывались совсем не подходящими.

– Ну, куда спрятать-то? Везде, как на ладони. Если не Евка, так Марусяк унюхает своим длинным нюхалом. Три или четыре комнаты! А места для маленькой бутылочки не найти! Это что же делается в нашем государстве?!

Он бы так и бегал еще неизвестно сколько, если бы в дверь не позвонили.

Эрос молниеносно метнулся в свой кабинет и поставил бутылку в книжный шкаф, немного двинув книги в сторону.

– Здравствуйте, дорогой Эрос Купидонович! Очень рада вас видеть! Я вчера имела беседу с вашей секретаршей по поводу сегодняшнего визита.

– Я в курсе! Взаимно рад и польщен вашим визитом. Требуется имя младенцу мужского пола, правильно понимаю ситуацию?

– Да, именно, так!

– Проходите, пожалуйста, в кабинет. Ах, нет, постойте, туда нельзя. Лучше на кухню. Я сей момент.

Профессор, стремглав вбежав в кабинет, подбежал к книжному шкафу, быстро вытянул из кармана, заранее наготовленную рюмку, налил в неё до половины вина, и ничтоже сумняшеся, то есть, совсем не раздумывая, махнул себе в рот целебного напитка. Забросил в качестве закуски и лечебного эффекта, туда же жменьку очищенных семян тыквы. Говорят, что они хороши от глистов. Спиртным в своём организме профессор не был намерен делиться ни с кем. И резво побежал на консультацию.

Минут десять обсуждения цены вопроса и пожеланий консультируемой немного утомили академика, поэтому ему пришлось еще пару раз выбегать в соседнюю комнату для набора сил, и физических и творческих.

Им было предложено с десятков разных имён, а дама всё еще упиралась и сама не знала, что ей надо.

Профессор пошел в атаку.

– Да, вот еще довольно смелое решение для вашего довольно несмелого пацанчика. Планктон Планктонович! Шикарное название! Получите его и распишитесь.

Женщина не соглашалась и с таким предложенным ей вариантом:

– Да, но у нас папа, как бы Эсмеральд!

– Ничего-ничего, милочка, в нашей стране нет ничего невозможного. Вы спокойно сменили имечко и у вашего папочки. И своему сыночку дадите с именем и новое отчество, так сказать для полной благозвучности всех имен вашей семейственности. Вот мы и уговорились.

Но она по-прежнему упиралась изо всех сил.

– Да, но, позвольте, мы уже меняли имя у нашего папы, когда называли свою дочь Эсмеральдина. И делали это именно для благозвучности с предложенным вами именем.

Профессор страшно обрадовался этому сообщению:

– Тем более милочка, если этот путь вами уже однажды пройден и чего вам тогда бояться? Всё вам знакомо и нет никаких причин своим отказом портить жизнь вашему маленькому миленькому Планктончику. Вы же только вслушайтесь в эти чарующие звуки моря! Бездонную бездну его глубоководных тайн. Планктон! Планктончик! Планктик! Смысл этого имени в слове «Планктонный», то есть глубоководный, глубокоосмысленный. Вот, до какой степени всё серьезно.

– А как же наш папа? – растерянно вопрошала очередная жертва именной науки.

– А что папа?! Папа! А? Папа? Так пусть ваш папа терпит! Ну, ты посмотри, что делается, никакой терпимости в людях не осталось! Они даже не готовы пострадать за своих собственных детей, – произнёс академик с большим укором.

– Нет, что вы? – залепетала, молодая женщина, старательно оправдываясь. Она сильно покраснела:

– Мы всегда готовы пострадать за своих собственных детей! Всегда и везде! Но имя какое-то непривычное и оно мне кажется не совсем подходящим. Я почему-то думаю, что муж ему воспротивиться.

– Не переживайте вы так, милая. Всё будет вам с вашим именем, как нельзя лучше. А, если ваш неугомонный муженёк будет сильно сопротивляться этому чудному имени, мы тогда просто применим к нему наш научный подход.

Дама обомлела и только смогла выдавить из себя:

– А-а-а?...

–Я же говорю вам, не переживайте. Это абсолютно безболезненно. Махнул и всё!

– Как это? Куда махнул? Чем махнул? Зачем-е-м? Это вы про что сейчас?

– Да, всего-то 50 граммов отличного домашнего коньяка, настоящего на чистой водке. Три раза в день до еды. Только одно условие, только на чистой водке.

– Да, что вы такое говорите, можно подумав водка бывает грязной?

– Как?! А если при разливе присутствовал человек с десять раз не вымытыми после туалета руками?

– И что? Я вообще не понимаю, к чему вы это говорите?

– Как вы еще в сущности молоды, дорогая и по всему видно очень плохо представляете себе всю криминогенную обстановку в городе. И вы даже не подозреваете себе, сколько человек в нашем государстве не моет рук после туалета?

– Не запугивайте меня, пожалуйста! – произнесла молодая женщина дрожащим голосом.

– И цели такой нет. А водка, водка, она еще как бывает грязной! И обычные глисты это еще самое безобидное при кишечной инфекции поноса.

Профессор изо всех сил старался произвести на женщину, так сказать «медицинское» впечатление, чтобы увести её в сторону. И там окончательно запудрить ей мозги. Работать и напрягать ум, когда его жизни ничего не угрожало, профессору чего-то сегодня совсем не хотелось. А чего именно хотелось, то не могло, потому что сильно мешалось, то чего совсем не хотелось. Вот, как-то так. Просто и непонятно.

Чтобы изобразить серьезную работу якобы трезвой мысли академик всё время, что-то лепетал.

– Хотя никто и они... – профессорский взгляд на секунды задержался на буфете, – знаете, они тоже не лишены маленьких человеческих радостей, пропустить рюмочку другую, да..., – неожиданно не закончил свою речь академик и замер, стараясь что-то припомнить.

– Это вы сейчас про кого? – молодая мамочка смотрела на академика, не отрываясь, а того уже несло. Его теперь несло каждый раз при малейшем намеке на спиртное. Несло и сносило крышу вместе с чердаком. И теперь его вдруг опять понесло напрямую к заветному буфету и вожделенному напитку, находящемуся в этом буфете. Бежать в соседнюю комнату профессор уже не мог.

Во время разговора он неожиданно вспомнил, что буквально на днях спрятал туда от Евы, а потом внезапно забыл выпить небольшое количество домашнего коньяка в бутылке из-под лимонада. Но он, как силовольный человек, умел останавливаться в своих мечтах и переходить от речей сразу к делу, перевоплощая свои несмелые мечты в смелые реальности.

Поэтому ученый быстро подбежал к буфету, быстро обнаружил на старом месте заветный сосуд, быстро налил в заранее наготовленную рюмочку, искрящегося напитка и так же быстро маханул в свой предварительно уже на бегу открытый рот.

Спиртяжка слегка выветрилась, но всё же была хороша. Хороша и любезна для жаждущего рта академика. Рта, обрамлённого красными, распухшими, слюнявыми губами.

– О-о-ох! Как можно! Что вы делаете? О-о-ох? – разохалась молоденькая посетительница, глядя с испугом на происходящее.

Только мгновения спустя до мозга профессора дошел сигнал, что напиток, выпитый им, не только утратил градус, но никогда его не содержал.

– Да, что вы, милая, сугубо компот! А вы что сгоряча подумали? Извольте, сами откушать! Я это принимаю, так сказать для поддержки витаминами работающее в изнурительном темпе, разгоряченное нагрузками сознание. Прошу, испейте и вы!

Профессор вылил остатки компотной жидкости в фарфоровую кружечку и галантно преподнес даме.

Она, чтобы развеять все свои сомнения выпила с удовольствием все содержимое и поблагодарила Эроса Купидоновича.

Академик смахнул холодный пот со своего лба и в душе поблагодарил Звездину за эту спасительную и своевременную подмену.

Консультация вне желания Эроса всё продолжалась. Не передать словами, с каким наслаждением он её бы уже прикончил. Естественно, консультацию.

– Милая, вы с мужем еще раз обсудите все предложенные мною варианты, и если ничего не подойдет, то заранее оповестите меня, для дальнейшей постановки имени для вашего малыша. Хотя я по-прежнему настаивал бы на Планктоне. Это имя было бы единственным на все века!

– Меня это и пугает!

– А зря! Сейчас идет мощное освоение дна океана и человек с подобным именем всегда бы нашел для себя дело, если не в глубинах океана или его поверхности, то на прибрежных пространствах, это уж точно! Не говоря уже о полном единении с живой природой!

– Мы подумаем!

– Или на худой конец, можно Антарктид Эсмеральдович!

– Но Антарктида – это вроде женское имя!

– Хорошо! А если Севпол или Южпол?

– Это полюса, да?

– Да! Ваш супруг пловец, у него душа моря просит, вот и надо дать ему эту возможность всегда слышать про море.

– Я в этом с вами согласна. Муж так мечтает поехать на море, хоть раз в жизни.

– Вот и назовите своего сыночка тогда – Колумб. Тогда вы, гарантировано не только на море съездите, но и куда подальше вокруг света!

Молодая женщина завизжала от счастья и захлопала в ладоши. Наконец-то её сыну, было подобрано имя, подходящее по всем параметрам, фантазиям и даже отчеству.

Она щедро расплатилась с академиком и отбыла в обратную дорогу к мужу и своим милым детям, в радостном расположении ума и сердца. Она нашла прекрасное многообещающее имя своему ребенку. Имя, с которым в жизни можно было надеяться только на лучшее.

После того, как академик проводил женщину, он затеял серьезный разговор с самим собой:

– Эрос, пора кончать с этим делом, так недолго и спиться. Молодец, Машка, она же меня буквально спасла от позора! Ай, да Машка! Эрос, ты видел, сколько счастья ты приносишь людям?! Ты же единственный в своей науке великий учёный! Надобно бы побережь себя, батюшка! Не такие, я тебе скажу, великие люди были живьем заглочены Зеленым змием, вам ли, Эрос, не знать об этом?! А Маруся, а! Ай, да Машка!

Эросу и в голову не приходило, что Айдамашкой был он сам, когда третьего дня тому назад, допивши остатки домашнего коньяка, влил компот в освободившуюся бутылочку. И не мало, а очень много веселясь и потешаясь, представлял себе, растерянность Евки, когда, возлагая большие надежды на опохмел, она найдет этот бутылёк и изопьет не то, о чем мечтала её винная душонка.

В двери настойчиво звонили. На консультацию прибыл очередной клиент. Точнее два клиента. Один представил другого:

– Знакомьтесь, академик! Будущий, не побоюсь этого слова, олимпийский чемпион Безмедальёнов Костян. Короче, Константин! Великий спортсмен! За всю свою спортивную карьеру умудрился пропозировать все золотые медали.

– Не понял, как это?

– Вот и я на каждом соревновании не устаю поражаться, как это у него выходит?

– И что?

– Ничего. Готовится парняга, работает, как проклятый, выступает, почти побеждает, как дело доходит до финала, все! У него безудержный понос открывается.

– А-а-а?

– Вот привели его профессор к вам, чтобы вы, наконец, сняли с него понос.

– А я, извиняюсь, совсем не по этой части.

– Не надо профессор эти мутки, я самолично читал ваши фонограммы, там ясно по белому все прописано, что у человека все в жизни зависит от имени.

– Монографии.

– Какая разница? Хоть фотографии! Фонограммы, монограммы, да мне плевать, на все эти граммы. Человек тоннами ворочает и не гадит, а тут только дело до победы доходит, он, как кошка, извиняюсь за грубость, прямо ср... по углам начинает. Снимайте срочно с нас эту дрянь.

– Так вы это...

– Ко всем и везде, и вы бы знали за сколько? А эффекта ноль! Вначале всё как по маслу, а как так сказать, так опять и сразу дальше то же самое. На чем стояли, как говорится, на том и стоим, точнее, сидим и до конца награждения не слазим. Вот чё такое, а? Ну, что я так и умру, в конце концов, не знаменитым на весь мир тренером? Хотя как сказать, уже обоср... перед всеми на всю планету.

– Дела-а-а. Сочувствую. Искренне.

– Знаете, а ведь хочется познаменитствоваться по-людски, а не по засрански. Эх, кто бы знал мои проклятия! В общем, так, снимайте, немедленно с нас эту анафему и не отказывайтесь, а то я вам быстро кочергу на шею повяжу и не развяжу до победного конца.

Профессора не пришлось долго просить. Он сразу начал рассуждать.

– Так, что мы здесь имеем? Спорт, олимпик, победа! Так...

Профессор еще только попытался очертить круг исследования, как его тут же пресек радостный возглас тренера.

– Ура! Молоток! То, что нужно!

– Простите, я не совсем понял?

– Всё! Так пацана и назовем! А начало фамилии я замазкой в паспорте замажу и в самый раз! Тогда получится, что он Медальёнов будет. Вот в самый раз.

– Я, извиняюсь спросить, а имя, какое у него будет?

– Как какое, вы же сами предложили нам имя – Спорт Олимпик Победа!

– Я? А? Сразу три имени, да?

– Какая разница? Хоть четыре! Кстати, а четвертого имени у вас нет? Нет? Ну ладно. Ну, и что? Что? Может, он у нас улус какой-нибудь якутский. На мой вкус, всё очень прекрасно звучит! Спорт Олимпик Победа Иванович Медальёнов! Шикарно! А, что? Раньше мы просто не знали, что он улус, а вот теперь обнаружилось, отец его Иван признался. Так? Так! Отчество не трогаем, очень даже патриотское отчество. Всё теперь, всё, как надо. Всё есть для победы и медалей!

– Стесняюсь у вас спросить, а зачем замазкой в паспорте мазать, а если просто поменять документы?

– Дорогуша, времени нет на это! Некогда нам, батенька, некогда, завтра утром летим за победой. Отхватим там все три места на пьедестале.

– А разве, такое возможно?

– Вот, будем пробовать! С такими именами я думаю все можно.

– А как же в аэропорту, вы думаете, там замазку в паспорте не заметят?

– Да, я поперезадушу весь аэропорт, вместе взятый за наш пьедестал, всех кто чё там заметит. Да, не трухай, паря! Я ж не один, за мной знаешь сколько личностей?! Ты, ваще когда-нибудь фанател?

– Не приходилось еще.

– Желторотик, – тренер с сочувствием ласково погладил Эроса по нарождающейся лысинке на седеющей голове.

– Знаете, я всё равно немного переживаю, ладно туда, а обратно? Вдруг там что-нибудь?

– Эх, жалко тебя, ты такой еще несмышлёныш беззащитный! Обо всем бы тебе поведал, но сам видишь, времени в обрез. Смотрите, внимательно телек, выступать в нем будем.

Тренер щедро расплатился, чётко просчитав все копейки без обмана, строго по секундомеру, висевшему на его широченной груди, по сорок копеек за минуту, высчитав даже доли секунд.

Вот, что значит честный человек! Настоящий тренер! Педагог физической культуры, радатель завоевания пьедестала любой ценой.

А благодарный новообразованный улус преподнес профессору на память здоровенную гирию, с которой не расставался даже во сне и элегантный костюм-купальник штангиста.

Оба на прощание расцеловали и обняли своего избавителя. И пошли, смахивая скупые мужские слезы со своих щек.

Купидонович пошаркал тапками следом, чтобы закрыть за ними двери, как вдруг тренер, резко обернулся, сорвал золотую цепь со своей бычьей шеи и быстро подбежав, вручил её профессору со словами:

– Вот, дорогой, на память! Мало ли что, может, выручит когда?!

Академик так растерялся, что не смог произнести ни одного слова в ответ. Так и стоял в дверях с этой цепью в руке, пока они не скрылись из виду.

Глава девятая. Интервью

– И чё, встряли в дверях, как многострадалец? Ты, поглянь, а на ём и лица нет! Опять, поди, задурачили дурака на четыре кулака?! Сдвиньтесь от дверей говорю, с людьми до вас иду. Вот газета какая-то до вас, Купидомыч, пришла. Разговор с вами хотят поиметь.

Звездина встала в дверном проеме, так чтобы они стояли с профессором нос к носу и лицом к лицу, и бесконечными подмигиваниями попыталась привлечь внимание профессуры к своему сообщению.

– Слышите меня? Слышите? Али опять в каку прострацу впали?

– Да, слышу.

– Я энтой газете так наотмашь и сказала, что без денег разговору не будет. И пиастры на бочку вперёд разговору! Слышите али нет? Меня слышать вам? Караул с энтой наукой, и глухи все и слепы чрез одного, а всё туды же, все жанихаться лезут.

За её широкой спиной, полностью закрывшей проход в жилище, весь в нетерпении елозил худосочный мальй, безуспешно пытавшийся пролезть к интервьюируемому, со своим карандашом, блокнотиком и ручкой.

– Да-да! Мы на всё согласны. Глянцево-матовый журнал...

– Какой???

– Журнал «Мир, труд, май, июнь, июль». Издательство «Луч с Востока в глаз всем паскудам Запада». Двойной гонорар за двадцать минут разговора.

– Заходи, любезный. Тока без политики. Академик энто дело шибко не любит. Он понцефист. А я евоный финасист, так что деньги на бочку.

– Вот, пожалуйста, как и договаривались. Двести рублей.

– Очень приятно познакомится с хорошим денежным человеком. Как вас по имени отчеству?

– Насрублох Перепелкин. Русский узбек.

– Без вопросов. Звездина Ивановна.

Русский узбек, в нарушении всех правил этикета, первым протянул старшему по годам свою руку для приветствия.

Вот к чему иногда приводят эти морганатические браки. Ни тебе уважения, ни тебе воспитания. Хотя кто кому может помешать при большом желании заняться самовоспитанием?!

– Русский узбек. Насрублох Перепелкин.

– Оч-чень приятно. Мне, наверное, представляться не надо?! Рад! Очень рад знакомству. Сразу видно наш человек! Очень редкое имя, на дурдымындском диалекте уже давно исчезнувшей народности дурдымындов, обозначающее... – сказал профессор и замолчал.

Он на пару секунд замер вспоминая перевод:

– То же самое, что оно обозначает и на русском. Звездина, пару кофе нам в кабинет. Или предпочитаете чаёчку?

– Спасибо, не стоит беспокоить. Мне бы только получить ответики на некоторые вопросы.

Звездина твердым голосом дала распоряжение мужчинам:

– Идите-ка, на кухню от греха. А то в доме собачата, мало ли чё, с такими вашими именами. Травить, потом не вытравить. Да и стирка у комнате на веревке сохнет. Вы мне там мешаться будете.

Делать было нечего, и они уселись за огромным кухонным столом, за которым всем всегда хватало места. Профессор говорил, выложив свои руки на стол. Газетчик быстро строчил мелкие закорючки в свой блокнот. Домоуправительница ловко управлялась с многочисленной посудой и разными продуктами. Она вознамеривалась приготовить угощение для гостя и своих домашних, никоим образом не позабыв ни про себя, ни про собак.

Беседа продолжалась довольно долго, гораздо дольше оговоренных двадцати минут.

Пронырливый журналюга, несколько раз на излете разговора, вдруг вспоминал, то о целом кило сахара, заранее предназначенном в дар науке, то на бездонном дне его сумки обнаруживались несколько пакетиков растворимого кофе «три в одном» и к кофе печенье. Внезапно отыскалась в кармане шоколадная плитка, затем сушеная вобла, завернутая в журнал «Мир, труд и т.д.», потом новый женский, носовой платок и набор шариковых ручек.

Все были счастливы и довольны. Потому что блаженнее давать, и не менее блаженнее что-нибудь полезное получать. И долгий, нескучный разговор продолжался.

Перепелкин очень сильно всем интересовался.

К нему старались обращаться строго по фамилии. Произнести имя никто за всю беседу так и не решился, хотя имя очень хорошо запомнили, и, вспоминая в глубине души, улыбались от этих воспоминаний.

А Насрублох сидел себе и быстро записывал, не мало, не смущаясь. Люди видно и не к такому в своей жизни привыкают. И постоянно задавал всё новые и новые вопросы.

– Эрос Купидонович, откройте, пожалуйста, секрет, где вы его взяли?

– Кого?

– Не кого, а что?

– Хм. Хорошо, что?

– Институт, который закончили?

– Университет. Я его не только окончил, я в нем сразу и преподавал, пока учился. Скажу больше, я его и основал, после того, как в него поступил.

Интересующийся наукой мальчик слегка обалдел, поэтому не смог задать следующий вопрос, но предваряя это, Эрос ответил сам:

– Дело было новое, преподавателей не было, я так сказать находился при самом зачатии именной науки имён. А секрета нет, что бывший зав. зам. зама министра образования, некто Кругликов-Нечитайло (причем никогда, нигде и ничего, вот такой самородный самородок) имел неоднозначное число детей. Грубо говоря, несметное их количество. В целях снаб-

жения их достойной жизнью, в смысле приличным способом кормления до старости, решено было в каждом городе, в каждом маломальском городишке открыть по 13 платных институтов и создать еще по 88 дорогущих университетов. А его детей, наследников от минобраза рассадить в них на высоких должностях. Вот так я и стал академиком и основателем госуниверситета в Кладбищенске – на – Яме.

– Так, вы сын Нечитайлы?

– Нет, и никогда им не был!

– А, как тогда?

– Да, никак. Я с огромной гордостью закончил, основанный мной храм науки и получил диплом профессора академика лауреата именных наук. Немного поработал, а потом ушел. С тех пор и профессорствую на личной основе.

– А преподавание чего бросили? Плотют мало?

– Нет, просто интриги, как и везде в научной сфере.

И тут вылезла Звездина-Мария со своим выступлением. Неймётся же бабе, во всех отверстиях ей всё чего-то, да надо.

Везде эти бабы стремятся побывать и во всем поучаствовать. Сама их них, так что мне всё про всё досконально известно.

Дама стала, как статуя, руки в боки и открыла рот шире ворот:

– Не знаю, у какой сфере интриги, просто энта слащавая морда сто раз переженилась на всём верситете, уключая уборщиц и мирных жителей домов. И евоной матери пришлось забрать его у зад в столицу.

– Не слушайте её, товарищ Переделкин! Всё, как всегда врёт!

– Счас! Ага! Вру! Идите, поспите маненько, я сама все про вас расскажу.

– Вы, как всегда всё наврёте.

Звездина начала медленно и верно подниматься со своего места. Академик нехотя пошел ложиться спать.

– Я говорю, вам надоть отдохнуть, у вас косультация. А здесь я и сама управлюсь. Идите отдохните. Значица, дело было так. Евоная мать сама утащила его у столицу. А евоновые дипломы и благодарствия о евоновых вкладах в науки понесли почтой за им вдогонку. Некоторые из жёнок помчались за им, некоторые наезжали на побывку, но опосля двоих или троих не смертельных отравлений ихины наезды прекратились. А он значица, начал жаничься уже по месту места жительства.

– Ну, как можно, так нагло врать?! Я же всё слышу! – орал во всю глотку из соседней комнаты неугомонный отдыхающий.

– А, вы ему кто?

– А, она мне черт знает кто! Вот и расскажите, молодому человеку, кто вы мне? Это же чёрт знает, что за жизнь!

– А я ему никто. Я его ангел-охранитель!

– Мама родная! – продолжал орать академик, пытаюсь заснуть.

– Ну, вот сами и признались, что я до вас сам ангел-охранитель, завещанный родной матерью на смертном одре.

– На чём?! О, Боже! Перепёлкин, не слушай её, я тебя прошу, Перепёлкин. Боже, спаси меня от неё. У меня не было столько грехов, чтобы так безвинно страдать.

Академик прибежал на кухню и умолял корреспондента, чтобы его спасли.

– Я бы обязательно спас, но у меня и силенок столько нет, чтобы совладать с ней. И синьякам места же не будет, чтобы их всех разместить на моем теле. Вы сами видите ее бицепсы, трицепсы и мощный кулак, – шептал на ухо обиженному профессору испуганный газетчик.

А Звездина мило и загадочно улыбалась и ловко управлялась со всем хозяйством.

– Значица минутов десять и пирог готов! Ваш любимый с капустой. Чай я заварила. Свеженький чаёк с травками. Для глобулину от простуды. На стол накрою сама, а посуду, шоб поубирали с глаз долой, а не то возвернусь и зашибу всех за беспорядок.

Бесстрашный корреспондент решился задать вопрос:

– Стесняюсь спросить, а вы по делам?

Мария может не сразу, но ответила:

– Мне надоть одной старушке с её дедом костамахи на ренген сносить. У их там чё-то переломалось никак. Выявлять будут, чё да как? А им до полуклиники не доползти. Конфетов мне дадут. Шибко вкусные конфеты. Таки вкусные, что мне таких никак не достать. Так что на вечерок сладеньким побалуемся. Я, значица, счас побёгла и незнамо када возвернусь, так что гуд бай вашей газете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.